

Министерство образования и науки РФ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Ивановский государственный политехнический
университет»

Иностранные языки: теория и практика

Литературоведение

Сборник статей

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Ивановский государственный политехнический университет»

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сборник научных статей

Выпуск 12

Иваново 2018

УДК 81+82.09

Иностранные языки: теория и практика. Литературоведение : сб. науч. ст. – Иваново : ИВГПУ, 2018. – Вып. 12. – 128 с.

В сборнике представлены результаты научных исследований по ряду актуальных проблем методики преподавания иностранных языков, лингвистики, литературоведения и культурологии.

Сборник адресован лингвистам и литературоведам, студентам и аспирантам филологических факультетов, а также широкому кругу читателей.

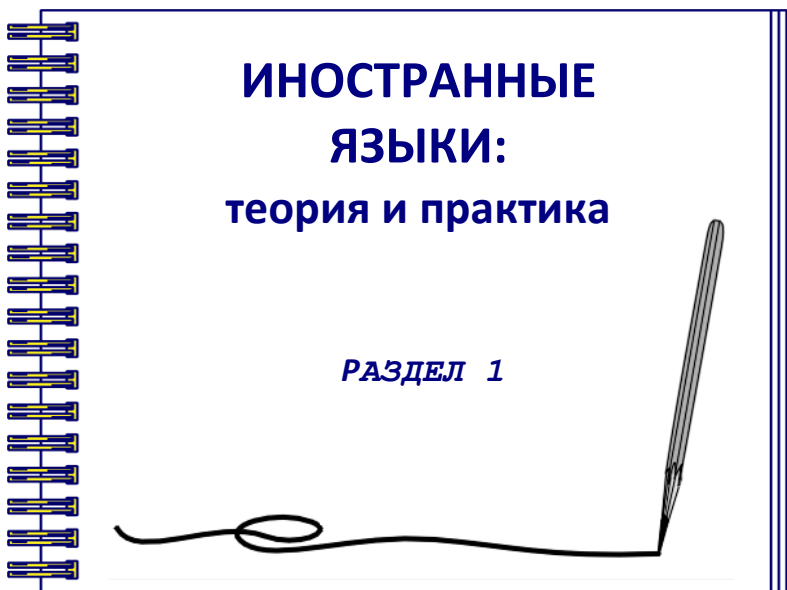
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

канд. филол. наук, доц. ***Т. Г. Барышева*** (отв. редактор)

канд. филол. наук, доц. ***А. А. Абызов*** (отв. редактор)

канд. филол. наук, доц. ***Л. Н. Гусарова*** (отв. секретарь)

Информация об опубликованных статьях представлена
в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
по договору № 3525-12/2015К от 08.12.2015

Л. Н. Гусарова

**ПЕРЛОКУТИВНЫЙ ЭФФЕКТ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО
В РЕЧЕВЫХ АКТАХ НАЗЫВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Ивановский государственный политехнический университет
e-mail: gusarova.ln@yandex.ru, k_inost@ivgpu.com

Рассматривается способность имени собственного воздействовать на участников коммуникативного акта. При этом выделяются три сферы направленности перлокутивной силы высказывания: эмоции, мышление и действие.

Ключевые слова: перлокуция; коммуникация; теория речевых актов; речевой акт называния.

Использование ИС в речевых актах называния определяет их способность оказывать воздействие на участников коммуникатив-

ного акта, в связи с чем представляется возможным говорить о перлокутивном эффекте ИС. Перлокутивный акт в теории речевых актов понимается как речевое воздействие, оказываемое высказыванием на адресата. Перлокуция может быть определена только в ситуации конкретного коммуникативного акта. Подчеркнем, что под речевым воздействием в психолингвистике понимается управление деятельностью одного человека другим человеком при помощи речи: речь позволяет побудить человека начать, изменить или закончить какую-либо деятельность [1, с. 3, 7]. Выделяются три сферы направленности перлокутивной силы высказывания: эмоции, мышление и действие.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу практического материала, поясним термины, используемые в статье: *номинант* – лицо, присваивающее имя; *номинат* – объект наименования; *имя номината, говорящий* – может совпадать или не совпадать с номинантом или номинатом; *реципиент/адресат сообщения* – тот, кто декодирует высказывание. Реципиентом может быть как участник данного коммуникативного акта, так и читатель текста, фиксирующий данный речевой акт.

Рассмотрим, какое воздействие оказывает выбор имени на номината в речевых актах называния. Начнем с анализа речевого воздействия, которое детерминирует эмоциональную реакцию номината: 1. “*Tag, Jimmerthal*”, *sagte Hans*. “*Ich gehe ein bisschen mit Kröger...*” 2. “*Du sollst*”, *bemerkte Hans Hansen*, “*deinen Vater bitten, dass du auch Stunde bekommst, Kröger*”. *Einen Augenblick schnurrte sich ihm die Kehle zusammen, weil Hans ihn mit Nachnamen anderedet hatte; und Hans schien dies zu fühlen. <...> ...Tonios Mund zuckte. Von Zeit zu Zeit, fühlte Tonio, wie der Drang zu weinen ihm prickelnd in die Nase stieg, auch hatte er Muche, sein Kinn in der Gewalt zu behalten, das beständig ins Zittern geriet...* [5, S. 15]. Прагматический контекст дает объяснение проявлению перлокутивного эффекта в данном речевом акте называния с именем *Kröger* в приведенном примере. Ганс (номинант = говорящий), который только что называл своего друга Тонио по имени (номинат в первом высказывании и номинат = адресат во втором), вдруг резко переменился при встрече с одноклассником Эммерталем. Присутствие третьего лица вызвало употребление фамильного имени *Kröger*, что свидетельствует об определенной дистанцированности, о том, что номинант стыдится друж-

бы с Тонио, его непохожести на других учеников. Отказ демонстрировать дружеские отношения с чудаковатым мальчиком не остался незамеченным со стороны обиженного намината, что и вызвало у последнего эмоциональную реакцию, эксплицитно представленную в приведенном примере.

Бурным эмоциональным всплеском объекта наименования отмечен выбор имени в речевом акте называния и в следующем примере: *“Ich finde Sie, Antonie!” Er sagte “Antonie”. Tony, die, ihren Roman in der Rechten, aufgerichtet an ihrem Stuhle stand, schob die Lippen hervor, und indem, sie bei jedem Worte eine Kopfbewegung von unten nach oben machte und jedes dieser Worte mit einer tiefen Entrüstung betonte, stieß sie hervor: “Was – fällt – Ihnen – ein!” Trotzdem standen ihr die Tränen bereits in der Kehle. <...> So standen sie sich während eines Augenblickes gegenüber; er in aufrichtig erzürnter und gebietender Haltung, Tony blass, verweint und zitternd, das feuchte Taschentuch am Munde. “Tony!” sagte er ganz leise, während er sanft ihre Hand erfasste; und er sank... sank langsam bei ihr zu Boden auf die Knie [4, S. 101].* Как показывает анализ прагматического контекста, «предприимчивый и находчивый» Грюнлих (номинант = говорящий) преследует цель получить во что бы то ни стало согласие Тони (номинат = адресат) на брак и решить с помощью приданого свои финансовые проблемы. Добиваясь согласия девушки, номинант пытается сократить дистанцию общения и использует имена *Antonie* (имя 1), *Tony* (имя 2) (без надлежащего по этикету *Fraulein + Name*, что возможно лишь в случае близкого знакомства коммуникантов). Номинант, не вызывавший симпатий у Тони, выбором имени, допустимым в кругу близких людей, вызвал возмущение девушки. Ее эмоциональная реакция передается эксплицитным описанием состояния. Как следует из примера, именно выбор данного имени оказался причиной неожиданной эмоциональной реакции адресата, возникшей как следствие интерпретации ИС. Таким образом, перлокутивная сила воздействия высказывания направлена на сферу чувств и эмоций номината/адресата. Заметим, что в конце концов номинант, реализуя свои прагматические интенции, добился прогнозируемого перлокутивного эффекта: Тони ошибочно декодировала необычное поведение молодого человека как проявление любви и согласилась стать его женой.

Аналогичны интенции говорящего и в следующем примере: *"Was gibt's?" Frieda lasst's nicht an Sanftheit fehen. Die Simson seufzt, als söge sie Luft durch die Löcher ihrer Sandalen. "Ach, Ole, Ole, wie viele Jahre kennt man sich schon? <...> Bienkopp wird wütend. "Was willst du von mir?" [8, S. 340]. Анализ прагматического контекста показывает, что героиня романа Э. Штриттматтера «Оле Бинкопп» Фрида Симсон хочет пробудить у Оле (номинант и адресат сообщения) соответствующие чувства и сблизиться с ним. Использование в приведенном речевом акте личного имени, противопоставленного официальному имени, демонстрирует желание номинанта установить более близкие отношения с номинантом. Иллокутивная сила высказывания направлена на то, чтобы вызвать у адресата заинтересованность, симпатию и любовь. Но коммуникативные намерения автора высказывания, как свидетельствует прагматический контекст, не достигли своей цели в виде ожидаемого перлокутивного эффекта: *Bienkopp wird wütend. "Was willst du von mir?"*.*

Как известно, немецкий язык не отличается большим разнообразием суффиксов для личных имен. Поэтому каждый случай употребления суффиксальных антропонимов немецкого языка, имеющих в своей семантике экспрессивно-оценочный компонент, является прагматически значимым. Рассмотрим подробнее перлокутивный эффект высказывания, оказываемый на адресата при выборе такого имени в речевом акте называния: *"Wir müssen los, Mariechen", wirft Tjaden ein und erhebt sich [6, S. 113].* Номинант Тьяден стремится произвести впечатление на Мари, представляя себя с наилучшей стороны – как внимательного, заботливого, любящего человека. Стремление жениться на невзрачной девушке, но стать во главе прибыльного семейного дела определило манеру речевого поведения говорящего и, соответственно, выбор имени при обращении к девушке. Интересно, что друзья Тьядена, разгадав его намерения, стали «подыгрывать» (не бескорыстно!), сочиняя истории о головокружительных, героических подвигах их друга на фронте. Таким образом, перлокутивная сила воздействия высказывания с ИС *Mariechen* направлена через сферу чувств и эмоций объекта именованного на его мышление и способствует достижению совершенно определенной цели номинанта – женитьбе по расчету.

Воздействующий эффект ИС наблюдается и в тех случаях, когда выбор имени определяется номинантом/говорящим для достижения своих прагматических интенций и «навязывается» номинату: *“Sie sind mein Untergang!” erklärte sie (sc. Wirtin). “Wie schön! Das wollte ich immer schon mal sein! Jemandes Untergang! Sie sind eine romantische Natur, Luischen!”* <...> *Die Wirtin lachte ärgerlich. “Sie sind schon einer! Ich heiße übrigens nicht Luise. Ich heiße Therese”. “Therese ist ein Traum!”* [7, S. 54]. Штайнер (номинант = говорящий), нуждавшийся в приюте, неожиданно находит его в пансионе, где жил когда-то. Называя хозяйку ласковым именем *Luischen*, он воздействовал на номината с помощью имени с суффиксом субъективной оценки, ошеломив тактикой в духе Остапа Бендера. Коммуникативное воздействие оказывается эффективным: Штайнер добивается и пристанища, и рюмочки сливовицы. Как явствует из примера, достижению консенсуса между коммуникантами, в целях которого и осуществлялся перлокутивный акт в рамках речевой коммуникации, способствовал адекватный выбор имени для обозначения номината.

Направленность перлокутивной силы ИС на определенные действия адресата отмечается и в следующем примере: *Dann las er: “Albrecht Graf Tauern-Bärenheim”*. *Da nahm er sich nicht mehr die Zeit, auch die andere zu lesen, sondern begann kleine, eifrige Verbeugungen zu vollführen* [3, S. 139]. Перлокутивный эффект имени *Albrecht Tauern-Bärenheim* в сочетании с титулом *Graf* – отвешивание частых поклонов сыном мелкого промышленника, воспитанного в преклонении перед силой и властью.

Анализ речевых актов называния наглядно свидетельствует о том, что в любом речевом общении коммуниканты пытаются достичь определенной неречевой цели, которая в итоге ведет к регуляции деятельности собеседника [2, с. 5]. Подтверждение находим в следующих примерах: *In diesen Tagen erhielt Crescenz auch ihren neuen Namen. Jene muntere Opernelevin* <...> *hatte einmal zu ihm (sc. Baron) gesagt: “Ruf doch deine Leporella herein”*. *Dieser Name machte ihm Spaß, eben weil er so grotesk die dürre Tirolerin parodierte, und von nun an rief er sie niemals mehr anders als Leporella. Crescenz, das erste Mal verwundert aufstarrend, dann aber verlockt von dem vokalischen Wohlklang dieses ihr unverständlichen Namens, genöß die Umtaufe geradezu als Nobilitierung.* <...> Cre-

scenz wurde wahrhaftig Leporella und wie jener muntere Bursche beweglich, zuspringig und frisch; seltsame Eigenschaften kamen, gleichsam emporgetrieben von der fludenden Hitze dieser brennenden Anteilnahme, in ihrem Wesen zum Vorschein, allerhand kleine Listen, Verschmilzheiten und Spitzfindigkeiten, etwas Horcherisches, Neugieriges, Lauernendes und Umtummlerisches [10, S. 381–382]. Новое имя, воспринятое как награда за усердие, превратило мрачную, набожную старую деву в другого человека: сродни ее жизнерадостного тески Лепорелло – слуги Дон Жуана, что подтверждает приведенный отрывок.

“Gehen Sie, Monsieur Grenouille!” <...> Das war das erste Mal, dass jemand “Monsieur” zu ihm gesagt hatte. <...> Dann ließ er (sc. Marquis) den neuen Grenouille hereinführen, und schon die Art, wie er ging, aufrecht nämlich und mit zierlichen Schritten und eleganten Hüftschwung, wie er ganz ohne fremde Hilfe das Podest erklimm, sich tief verbeugte, bald hier, bald dorthin lächelnd nickte, ließ alle Zweifler und Kritiker verstummen. <...> Zu eklatant war die Veränderung, zu überwältigend das Wunder, das hier offenbar geschehen war: Wo vor Wochenfrist ein geschundenes, verrohtes Tier gekauert hatte, da stand jetzt wahrhaftig ein zivilisierter, wohlgestalter Mensch. Er bekam des weiteren eine gewisse Sicherheit im gesellschaftlichen Umgang, wie er sie niemals besessen hatte. Sie drückte sich sogar körperlich aus. Es war, als sei er gewachsen. Und wenn er angesprochen wurde, so zuckte er nicht mehr zusammen, sondern blieb aufrecht stehen und hielt den auf ihn gerichteten Blicken stand [9, S. 185]. С обращения Monsieur Grenouille началось перерождение забитого и покалеченного Гренуя – персонажа романа П. Сюскинда «Парфюмер». Хилый, горбатый и хромой, не смевший поднять глаза от земли Гренуй, как явствует из прагматического контекста, превратился в Monsieur – господина с походкой и манерами, уверенного в себе человека.

Интересно, что ИС может оказаться причиной непредвиденной реакции и последующих действий адресата: “Wie heißen sie überhaupt?” “Napoleon Fischer”, sagte der Mann . Diederig stockte. “Nap... auch das noch! Sie sind Sozialdemokrat?” “Jawohl”. “Dachte ich mir. Sie sind entlassen [3, S. 110]. ИС Napoleon Fischer (Наполеон Фишер) в речевом акте называния, репродуцирующем речевой акт именования, идентифицирует рабочего фабрики. Данное имя вызы-

вает неожиданную реакцию адресата высказывания – хозяина этой фабрики, который считает, что такое имя не может принадлежать патриоту фатерланда. Для хозяина имя Наполеон ассоциируется с бунтарством, свободомыслием, которое он как защитник монархии не может терпеть на своем предприятии. Отсюда приговор: *Sie sind entlassen*. Направленность перлокутивной силы данного ИС проявляется в конкретном (непроизвольном) действии, последовавшем за неожиданной реакцией адресата, эксплицитно представленной в прагматическом контексте.

Приведенные примеры подтверждают, что ИС могут обладать воздействующей функцией. Таким образом, в результате их употребления возникает перлокутивный эффект. Выбор имени в этом случае проявляется в эмоциональной реакции, мышлении или действии номината/слушающего. Анализ речевых актов называния показывает, что выбор имени чаще всего детерминирует эмоциональную реакцию номината или адресата. Воздействующий эффект ИС наблюдается и в тех случаях, когда выбор имени определяется номинантом или говорящим для достижения своих прагматических интенций. ИС может оказаться причиной непредвиденной реакции и последующих действий адресата.

Список использованной литературы

1. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990.
2. Тарасов Е.Ф. [Вступительная статья] // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990.
3. Mann H. Der Untertan. Leipzig, 1965.
4. Mann T. Buddenbrooks. M., 1956.
5. Mann T. Der Tod in Venedig und andere Novellen. Berlin, 1962.
6. Remarque E.M. Der Weg zurück. Frankfurt/M; Berlin; Wien, 1979.
7. Remarque E.M. Im Westen nichts Neues. Berlin; Weimar, 1975.
8. Strittmatter E. Ole Binnkopp. Berlin; Weimar, 1970.
9. Süskind P. Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders. Zürich, 1985.
10. Zweig S. Novellen. Moskau, 1964.

А. В. Даллакян, Л. А. Завьялова

Ивановский государственный политехнический университет
e-mail: armyda@mail.ru, lorikz1@rambler.ru, k_inost@ivgpu.com

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТЕСТИРОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ПРИЕМА В ГРАЖДАНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье затрагиваются некоторые проблемы, связанные с процессом тестирования на знание русского языка для получения гражданства РФ.

Ключевые слова: тестирование; русский язык; тест; сертификат; гражданство.

Российская государственная многоуровневая система тестирования иностранных граждан по русскому языку ТРКИ – TORFL (Test of Russian as a Foreign Language), созданная в конце прошлого века, включена в европейскую структуру языкового тестирования ALTE [2]. Система создана с целью распространения русского языка в мире, повышения его авторитета и значимости, укрепления международных позиций российского образования всех уровней, упорядочения системы приёма и обучения иностранных граждан в образовательных учреждениях России.

Российские тестеры сравнивали аналогичные тесты разных стран и выяснили, что обычно для приёма в гражданство требуется уровень знаний, приблизительно равный первому уровню по квалификации ALTE. Он позволяет человеку решать задачи общения в повседневной жизни с помощью ограниченных языковых средств и чувствовать себя при этом комфортно. Такой уровень знаний имеют иностранные студенты, закончившие подготовительный факультет. Именно поэтому система ТРКИ не только предполагает стандартизированный контроль в системе преподавания русского языка как иностранного в государственных образовательных учреждениях России на всех уровнях, но и предоставляет возможность поступить в российский вуз, получить гражданство Российской Федерации, а значит, регистрацию и

работу. Согласно российскому законодательству, хорошее владение русским языком – непереносимое условие для получения российского паспорта, а тест для приёма в гражданство должен стать способом социальной адаптации для мигрантов, желающих обосноваться в России [3, с. 81].

Русский тест имеет специфические особенности, связанные с лексико-грамматической системой русского языка. Тест состоит из пяти частей – чтение, письмо, лексика и грамматика, аудирование, говорение. Каждый субтест оценивается отдельно. Приём при оценке результатов тестирования по всем пяти субтестам выделяется 2 уровня: удовлетворительно (66 баллов и выше) и неудовлетворительно (менее 66 баллов). Тестовая форма контроля знаний по ТРКИ является более выигрышной по сравнению с другими: «...можно выявить речевые умения в области аудирования, чтения, письма, говорения...» [1, с. 46].

Несомненно, тестирование для приёма в гражданство Российской Федерации имеет особенности и существенные отличия от тестирования иностранных абитуриентов и студентов.

Во-первых, особенностью является состав контингента – это граждане не только дальнего зарубежья (Афганистана, Сирии, Нигерии и др.), но и ближнего (Украины, Грузии, Таджикистана, Азербайджана и др.).

Во-вторых, различный социальный статус тестируемых. Это люди, чаще всего имеющие опыт работы и желающие при помощи государственного сертификата подтвердить определённый уровень владения языком, удовлетворить свои коммуникативные потребности в деловой и социально-бытовой сферах общения.

В-третьих, сдавать тест приходят люди, которые зачастую не имеют среднего образования. Следует признать, что мигранты сейчас требуются в России прежде всего на низкоквалифицированный труд. Составители экзаменационных материалов учли это: «в тесте не предусмотрена проверка интеллектуального развития» [3, с. 82].

Исходя из вышесказанного, определяется набор языковых навыков и коммуникативных умений: это ситуации повседневной жизни, с которыми человек сталкивается на каждом шагу. Однако некоторые тестовые задания при общей корректности формулировок и соответствии коммуникативным установкам имеют ряд

недостатков, затрудняющих работу тестируемого. Например, в субтесте 1 «Чтение» проблемы вызывают задания, требующие адекватного понимания информации официально-деловой сферы (по материалам газет): ситуации 3 – оформление трудовых книжек, ситуации 5 – обмен паспортов, а также ситуации 4 – заполнение миграционной карты. Это связано с тем, что тестируемые, как правило, плохо владеют навыком чтения с общим охватом содержания и не успевают справиться с заданием за отведённое время.

В субтесте 2 «Письмо» проверяется умение построить письменное монологическое высказывание с заданной коммуникативной установкой и опорой на клише официально-делового стиля (например, заполнение анкеты, написание заявления работодателю, поздравительной открытки и пр.). Эта часть теста представляет для экзаменуемых особую сложность в связи с тем, что в письменной речи мы не «слышим» коммуниканта, а только видим его речевой продукт со всеми лексико-грамматическими и стилистическими недочётами. Для оценки субтеста «Письмо» преподаватель пользуется следующими критериями, указанными в рейтинговых таблицах (3 задания – 3 таблицы): адекватность решения коммуникативной задачи, полнота представленной информации, коммуникативно значимые, коммуникативно незначимые ошибки и проч. Причем за различные виды ошибок снимается всего по 2–2,5 балла, а за неадекватность – все возможные баллы (от 20 до 40 за задание).

Субтест 3 «Лексика. Грамматика» по праву считается самым трудным, т. к. несмотря на то, что объём словарного запаса у тестируемых достаточен для понимания заданий, незнание русской грамматики, особенно падежной системы, глаголов движения, союзов и т. д. доставляет много проблем кандидату на получение сертификата. Да и формулировки заданий иногда ставят в тупик. Например: к позиции *«Давайте выйдем из дома пораньше __ нам нужно долго ехать»* предлагаются такие варианты ответов: а) *хотя*, б) *если*, в) *если бы*, г) *но*. Тестируемые тщетно ищут вариант *потому что* и вынуждены угадывать ответ. Не совсем удачным является, на наш взгляд, и такое задание: варианты ответов а) *с фестивалем*, б) *с фестивалю*, в) *на фестивале*, г) *на фестиваль* предлагаются к позиции *«Как вы уже вернулись домой __?»*. Тестируемым зачастую незнакомо слово «фестиваль» из пассив-

ного даже для русских словарного запаса, поэтому они, как правило, выбирают ответ а) *с фестивалем* (аналогично: вернулись с трудом, с братом, с мамой, с победой).

В целом тестируемые справляются с субтестом удовлетворительно, выполнив верно не менее 56 заданий из 85.

Как показывает практика, выполнение двух следующих субтестов не вызывает особых затруднений у тестируемых.

В субтесте 4 «Аудирование» экзаменуемым предлагаются звучащие тексты обращений, объявлений, радиосообщений, которые необходимо понять на слух, а также определить их тему, идею и дополнительную информацию каждой смысловой части с достаточной полнотой, глубиной и точностью. Кандидат должен уметь адекватно отреагировать на высказывание собеседника и его коммуникативные намерения.

Субтест 5 «Говорение» предполагает умение тестируемых продуцировать связные, логичные высказывания, строить репродуктивные монологи и выражать собственное отношение к фактам и действующим лицам. Тестеры обращают особое внимание на умение кандидата не только вступить в коммуникацию, но и инициировать и завершить диалог, не нарушая при этом общепринятых и социально обусловленных средств речевого этикета. Кандидат должен уметь ориентироваться и реализовывать свои основные коммуникативные намерения в обыденных ситуациях общения (в офисе, в гостинице, в транспорте), а также запрашивать или сообщать информацию: задавать вопросы, например, работнику гостиницы, работодателю и т. п.

К тестированию для приёма в гражданство надо специально готовиться. Разные страны эту проблему решают по-своему. Голландия, например, организует для желающих бесплатные курсы. Во Франции это остаётся заботой самого мигранта, как впрочем, и в России. С недавнего времени желающие самостоятельно подготовиться к тестированию на получение гражданства Российской Федерации могут пройти пробное онлайн-тестирование. Существуют специальные порталы, например, Портал поддержки образования в Российской Федерации (TESTOR.RU), которые предлагают и образцы тестов, составители которых – преподаватели Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, МГУ, РУДН, СПбГУ. Среди них

можно отметить корифеев отечественной методики РКИ: Н.П. Исаева, Т.М. Балыхину, Л.П. Клобукову, В.А. Степаненко и др. Разработки лингвистов способствуют не только достойной подготовке к столь серьёзному тесту, но и распространению русского языка в мире, повышению его значимости, укреплению его международных позиций в связи с внедрением системы ALTE.

Список использованной литературы

1. Абросимова О.Л., Воронова Л.В., Эмирзиади Л.В. Тестирование по русскому языку как иностранному в ЗабГПУ: проблемы и перспективы // Мир русского слова. 2004. № 2. С. 46–49.

2. Балыхина Т.М. Что такое русский тест? Российская государственная система тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку (ТРКИ – TORFL). М.: Рус. яз., 2007.

3. Ельникова С.И. Система тестирования для получения гражданства России: повышение квалификации специалистов-тестеров // Мир русского слова. 2007. № 3. С. 81–83.

С. В. Дмитриева

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ МЧС РОССИИ

Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России
e-mail: igordmi37@mail.ru

В статье рассматривается проблема формирования иноязычной коммуникативной компетенции будущих специалистов МЧС России.

Ключевые слова: иноязычная коммуникация; коммуникативная направленность; иноязычная коммуникативная компетенция.

Современные реалии межкультурных коммуникаций предъявляют всё новые требования к будущим специалистам МЧС. Реализация ФГОС ВО в образовательном процессе вуза

обеспечивает практическую направленность в подготовке будущих офицеров и создаёт условия для формирования всех групп компетенций у курсантов. Востребованность современных специалистов МЧС обусловлена не только их высокой квалификацией, но также и уровнем владения иностранным языком, необходимым для решения тех или иных профессиональных задач. Соответственно, подготовка таких специалистов возможна лишь в условиях непрерывного совершенствования процесса обучения иноязычной коммуникации.

В преподавании иностранного языка следует уделять должное внимание формированию иноязычной коммуникативной компетенции системе обучения, где курсант является активным и мотивированным участником образовательного процесса. Необходимо отметить, что преподавателю надлежит стимулировать развитие творческих способностей курсантов, организовывая их учебную деятельность и управляя ею.

Традиционно процесс обучения иностранному языку включает в себя работу над его аспектами. Однако в речи единицы всех уровней взаимодействуют. В связи с этим основной принцип обучения иностранному языку – комплексное профессионально ориентированное изучение языка – носит коммуникативную направленность.

В рамках формирования иноязычной коммуникативной компетенции рационально использовать русско-английские и англо-русские разговорники, предназначенные для специалистов системы МЧС.

Нами был выбран русско-английский разговорник для спасателей, подготовленный в ФГБОУ ВПО «Академия гражданской защиты МЧС России» (сост. И.И. Субботина) [1]. Разговорник способствует реализации иноязычных коммуникативных намерений спасателей, пожарных, волонтеров и специалистов других категорий, выполняющих практические профессиональные задачи в процессе поисково-спасательной операции. Отбор иноязычного языкового и речевого материала осуществлён на основе коммуникативного подхода с учётом функциональных ролей специалистов МЧС России и соблюдения закономерностей стилистического узуса. При организации речевых конструкций выдержаны логическая последовательность и адекватность. Ситуативный и тематический

принципы построения разговорника обеспечивают обозримость и доступность восприятия изложенного материала.

Разговорник дополнен справочным материалом, русско-английским словарём и списком сокращений.

Разговорник включает четыре раздела: «Профессиональное общение в чрезвычайных ситуациях», «Профессиональное общение в повседневной деятельности», «Приложение», «Русско-английский словарь».

Первый раздел «Профессиональное общение в чрезвычайных ситуациях» делится на четырнадцать подразделов: «Экстренный вызов», «Безопасность», «Пожар», «Обрушение здания», «ЧС на акватории», «Химическое заражение», «Дорожно-транспортное происшествие», «ЧС в природной сфере», «Лавинные работы», «Эвакуация вертолетом», «Бытовые происшествия», «Радиообмен», «Психологическая поддержка», «Первая помощь». Данные подразделы в полном объеме охватывают круг профессиональных вопросов специалистов МЧС.

Каждый подраздел содержит 60–80 ключевых и наиболее употребительных фраз, отражающих специфику каждой темы, позволяющих осуществлять коммуникацию в сфере своей будущей профессиональной деятельности. Фраза дается на русском языке, есть ее перевод на английский язык, а также каждое английское слово разговорника снабжено практической транскрипцией, передающей с возможной точностью звуки средствами русской графики. Главное ударение обозначено подчёркнутой и выделенной жирным шрифтом гласной, а второстепенное ударение – подчёркнутой, но не выделенной гласной. Долгота звука указана двоеточием.

Второй раздел «Профессиональное общение в повседневной деятельности» делится на двадцать подразделов: «Анкетные данные», «Разговор по телефону», «Погода», «Как показать дорогу», «На шоссе», «Приветствие», «Знакомство», «Встреча», «Приглашение», «Просьба», «Совет», «Обещание», «Благодарность», «Согласие», «Несогласие», «Извинение», «Сочувствие», «Непонимание», «Предостережение», «Прощание». Данные подразделы содержат наиболее частотные, типичные, информационно значимые формулы английского речевого этикета, которые являются необходимым условием делового и личного общения.

Раздел «Приложение» содержит следующие справочные подразделы: «Местоимения», «Числительные», «Вопросительные слова», «Дни недели», «Время», «Месяцы», «Цвета», «Страны, столицы, национальности, языки», «Олимпийские зимние виды спорта», «Олимпийские объекты», «Единицы измерения», «Международный фонетический алфавит». Овладение курсантами актуальной справочной информацией, содержащейся в данных подразделах, будет способствовать созданию прочной теоретической базы для эффективной коммуникации будущих специалистов системы МЧС и формированию умений и навыков речевого общения.

Четвертый раздел содержит «Русско-английский словарь», отражающий всю лексику, представленную в данном разговорнике, перевод и практическую транскрипцию слов.

Еще один подобный разговорник, представляющий большой интерес в плане формирования иноязычной коммуникативной компетенции будущих специалистов МЧС, подготовлен преподавателями кафедры иностранных языков АГПС МЧС РФ. «Русско-английский разговорник для личного состава МЧС России» [3] создан для облегчения задачи получения навыков общения на иностранных языках личным составом МЧС России, задействованным в обеспечении безопасности при проведении Кубка конфедераций FIFA-2017. Разговорник включает двенадцать разделов: «Общие фразы», «Прием сообщений», «Месторасположение/направление», «Описание времени и места происшествия», «Виды происшествий и оказание первой помощи», «Общая безопасность», «Предупреждение об опасностях», «Действия в экстренных ситуациях», «Меры пожарной профилактики», «Пожарная безопасность», «Сообщение о готовности и реагировании пожарных подразделений», «Действия при пожарах».

Первый раздел «Общие фразы» делится на следующие подразделы: «Приветствие/прощание», «Языки. Взаимопонимание», «Знакомство», «Представление официального лица», «Выражение благодарности/сожаления», «Привлечение внимания», «Выражение согласия/несогласия».

Второй раздел «Прием сообщений» включает пять подразделов: «Телефонное соединение», «Разговор с диспетчером МЧС», «Возможные происшествия», «Запрос личной информа-

ции/возможные ответы», «Просьбы/рекомендации». Например, подраздел «Разговор с диспетчером МЧС» представлен следующим образом:

<i>Диспетчер слушает.</i>	<i>Dispatcher speaking.</i>
<i>Я могу Вам чем-нибудь помочь?</i>	<i>Can I help you?</i>
<i>Обнаружено задымление.</i>	<i>Smoke is detected.</i>
<i>Обнаружено возгорание.</i>	<i>Ignition is detected.</i>
<i>Вы свидетель происшествия?</i>	<i>Are you a witness of the incident?</i>
<i>Где вы находитесь?</i>	<i>Where are you located?</i>
<i>Есть ли пострадавшие?</i>	<i>Are there any injured people?</i>
<i>Пострадавших нет.</i>	<i>There're no victims.</i>
<i>Здесь много раненых.</i>	<i>There're a lot of injured people.</i>
<i>Скорая помощь требуется?</i>	<i>Do you need an ambulance?</i>
<i>Обстановка ухудшается.</i>	<i>The situation is getting worse.</i>
<i>Спасатели придут.</i>	<i>Rescuers are coming.</i>

Предлагаемый разговорник содержит ключевые слова и фразы, необходимые для коммуникации с иностранными гостями в случае возникновения чрезвычайных ситуаций разного характера, преимущественно связанных с пожарной опасностью. Он поможет разъяснить иностранным гостям правила пожарной безопасности и профилактики, а также предупредить их об опасности.

В разговорнике имеются необходимые выражения, которые помогут сотрудникам МЧС, работающим на спортивных объектах, успешно овладеть навыками устного общения и правильно ориентироваться в различных ситуациях. Разговорник также предусматривает лексический минимум для повседневного общения и позволит личному составу МЧС понять, что говорят иностранцы, так как содержит фразы, которые произносят иностранные гости в ответ на различные вопросы и запросы сотрудников МЧС.

Материал разговорника организован по тематическому принципу на основе коммуникативного подхода. Иностранный текст снабжен практической транскрипцией, передающей звуки английского языка русской графикой.

Таким образом, данные разговорники для будущих специалистов МЧС представляют собой словари-минимумы, направленные не только на освоение терминов конкретной специальности

на иностранном языке, но способствующие образованию устойчивых обратных связей, при которых имеет место синтез научных понятий в рамках изучения иностранного языка и специальных дисциплин. Применение подобных двуязычных разговорников в процессе изучения иностранного языка при подготовке будущих специалистов МЧС может способствовать повышению уровня иноязычной коммуникативной компетенции курсантов и профессиональной компетентности выпускников пожарно-спасательного профиля.

Список использованной литературы

1. Субботина И.И. Русско-английский разговорник для спасателей. М.: Акад. гражд. защиты МЧС России, 2014.
2. Emergency situations / Чрезвычайные ситуации: англо-русский и русско-английский разговорник / Н. Вовчаста [и др.]. Львов, 2014.
3. Russian-English Phrase-Book for Officers of EMERCOM of Russia. Русско-английский разговорник для личного состава МЧС России. М.: Акад. ГПС МЧС России, 2017.

Е. А. Евтухова

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ КАТЕГОРИИ РОДА РУССКИХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Ивановский государственный политехнический университет
e-mail: lenaeva63@mail.ru, k_inost@ivgpu.com

В статье рассматривается интерферирующее влияние родного языка и языка-посредника на формирование навыков речи у иностранных студентов при обучении русскому языку как иностранному. С целью выявления типичных ошибок и способов их устранения в речи студентов-иностранцев проводится сопоставительный анализ фонетической и лексической систем русского и французского языков.

Ключевые слова: категория рода; родовые формы; интерференция; языковой контакт; язык-посредник; произносительные навыки; речевой механизм.

Род имен существительных – это категория, с которой в иностранной аудитории начинается систематическое изучение грамматики русского языка. Категория рода в разных аудиториях вызывает различные трудности, зависящие от строя родного языка учащихся или языка-посредника, через который ведется преподавание русского языка. При работе, например, с франкоговорящими студентами трудностей будет меньше благодаря наличию у французских существительных двух родовых форм. Однако тренировка родовых форм существительных будет длительное время сопровождать процесс обучения русскому языку носителей французского языка, поскольку в этом языке наблюдаются такие расхождения в роде, что с методической точки зрения более целесообразно заучивание родовых форм русских существительных без их сопоставления с французскими [3, с. 8]. Приведем примеры, доказывающие эту мысль.

Наличие во французском языке двух родовых форм на месте трех в русском приводит к таким несовпадениям в роде существительных, которые нельзя ввести в рамки каких-либо правил.

Французский язык	Русский язык
м. р. <i>le mur</i>	ж. р. <i>стена</i>
м. р. <i>le champ</i>	ср. р. <i>поле</i>
ж. р. <i>la maison</i>	м. р. <i>дом</i>
ж. р. <i>la fenetre</i>	ср. р. <i>окно</i>

Особенно часто наблюдаются несовпадения в роде существительных, заимствованных из французского, латинского или греческого языков.

Французский язык	Русский язык
м. р. <i>le parti</i>	ж. р. <i>партия</i>
ж. р. <i>la classe</i>	м. р. <i>класс</i>
м. р. <i>le groupe</i>	ж. р. <i>группа</i>

Эти примеры подтверждают, что носителям французского языка для овладения русскими родовыми формами целесообразнее заучивать их, чем удерживать в памяти многочисленные несовпадения. Поэтому ежедневная тренировка русских родовых

форм существительных должна стать обязательной частью работы над языком.

Как носители, так и неносители французского языка, хорошо владеющие им, не делают грубых ошибок в употреблении рода существительных и допускают неточности лишь в употреблении некоторых заимствованных существительных, поскольку схожая звуковая форма ослабляет внимание учащихся (**проблем* вместо *проблема*, **поэм* вместо *поэма* и др.).

Итак, приступая к изучению рода существительных (или любой другой грамматической категории), преподаватель должен иметь в виду, как представлена эта категория в родном языке или языке-посреднике учащихся, и делать из этого практические выводы.

Категория рода русских существительных является, несомненно, наиболее легкой для понимания иностранными учащимися. Но легкость понимания – это еще не гарантия правильного употребления в речи. Следует помнить, что ошибки в употреблении рода из-за недостаточной тренировки на начальном этапе обучения могут создать такой специфический акцент, бороться с которым на продвинутом этапе, когда будет накоплен большой запас лексики, практически невозможно.

При объяснении категории рода русских существительных необходимо создать в сознании учащихся целостную систему, которая могла бы служить надежной опорой для самостоятельного распознавания категории рода и правильного заучивания соответствующих форм.

Перед ознакомлением учащихся с русскими родовыми формами следует предварительно создать у учащихся достаточный запас имен существительных разного рода, например мужского с тремя разновидностями основ:

- 1) на твердый согласный без окончания (тип **стол**);
- 2) мягкий согласный без окончания (тип **словарь**);
- 3) *j* без окончания (тип **трамвай**).

В результате объяснения у учащихся должна сложиться такая система форм мужского рода, где каждое существительное-образец является эталоном, за которым стоит большая или меньшая группа существительных мужского рода, имеющих в языке.

Мужской род: **стол, словарь, трамвай.**

Учащиеся должны запомнить эти образцы и уметь относить новые существительные мужского рода к одному из типов в соответствии с образцом. Так, закрепляя эти простейшие навыки структурирования, нужно дать новые существительные мужского рода (*стул, магазин, портфель, преподаватель, чай* и др.) с тем, чтобы учащиеся соотносили их с одним из трех вариантов. Ответы учащихся могут выглядеть так: *стул* – тип **стол**, *магазин* – тип **стол**, *портфель* – тип **словарь**, *преподаватель* – тип **словарь**, *чай* – тип **трамвай**, *Андрей* – тип **трамвай**.

Конечно, преподаватель как носитель языка имеет преимущества в проверке глубины понимания сущности явления у обучающихся. Например, в данном случае было бы уместным выяснить, по каким признакам учащиеся создают именно такую классификацию, в чем они видят сходство между существительными *стол* и *магазин*, *чай* и *трамвай* и т. д. Отсутствие такой возможности обычно восполняется демонстрацией большого количества примеров, из чего учащиеся сами делают нужные умозаключения. Безошибочность ответов учащихся является гарантией полного понимания принципа классификации, поскольку ошибки – это сигнал либо недостаточного объяснения, либо неполного понимания.

При знакомстве с женскими родовыми формами обращается внимание на наличие специфических окончаний (или их отсутствие) в следующих вариантах:

Женский род: **комнат-а, деревн-я, аудитории-я, тетрадь.**

Так же, как и в предыдущем случае, устанавливается различие выделенных вариантов:

- **комната** – существительные с твердой основой и окончанием *-а*;

- **деревня** – существительные с мягкой основой и орфографическим окончанием *-я*;

- **аудитория** – существительные с основой на *ј* и орфографическим окончанием *-я*;

- **тетрадь** – существительные с мягкой основой без окончания.

Тут же необходимо обратить внимание на сходство существительных мужского рода типа **словарь** и женского рода

типа **тетрадь**, указав учащимся, что существительные этих вариантов заслуживают особого внимания. Первичное закрепление можно провести таким же образом, как и закрепление существительных мужского рода, т. е. предложить учащимся на слух определить вариант родовой формы нескольких существительных с последующей записью в тетрадях (*почта, лампа, песня, история, площадь* и т. д.: *почта* – тип **комната**, *песня* – тип **деревня**, *история* – тип **аудитория**, *площадь* – тип **тетрадь** и т. д.).

Варианты форм среднего рода могут быть представлены в таком виде: **окн-о, пол-е, здани-е**.

Исходя из анализа вариативности форм среднего рода учащиеся должны прийти к выводу, что показателем среднего рода может служить: окончание **-о** – для существительных с твердой основой; окончание **-е** – для существительных с мягкой основой и на *j*. Все родовые формы русских имен существительных могут быть представлены в виде таблицы.

Мужской род	Женский род	Средний род
<i>стол</i>	<i>комната</i>	<i>окно</i>
<i>словарь</i>	<i>деревня</i>	<i>поле</i>
<i>трамвай</i>	<i>аудитория</i>	<i>задание</i>
	<i>тетрадь</i>	

Существительные-образцы должны быть заучены учащимися до полного автоматизма с тем, чтобы каждое новое существительное можно было соотнести с одним из этих образцов. При подаче новой группы существительных учащиеся и на слух, и по записи должны уметь автоматически определить (по формальным признакам) род существительного и его морфологический подтип. Так, например, при предъявлении существительных *Игорь, Таня, письмо, журнал, газета, ручка, лаборатория* учащиеся должны охарактеризовать их следующим образом: *журнал* – мужской род, тип **стол**, *газета* – женский род, тип **комната**, *письмо* – средний род, тип **окно**, *Игорь* – мужской род, тип **словарь**, *Таня* – женский род, тип **деревня**, *лаборатория* – женский род, тип **аудитория** и т. д.

Упражнение в распознавании родовых форм существительных по предложенной схеме убедит учащихся в их систем-

ности. Кроме того, прочное знание этих десяти слов-образцов обеспечит более гладкое и осознанное усвоение падежных форм, покажет учащимся, что при образовании форм падежа решающую роль играет не только то, к какому роду принадлежит данное существительное, но и то, к какому из его вариантов. Если в задачи обучения русскому языку иностранцев входит чистота языка, то развитие лингвистических классификационных навыков вообще и в данном грамматическом явлении особенно следует признать одной из наиболее важных задач обучения.

Четкое знание родовых форм существительных положительно влияет не только на чистоту и правильность речи иностранцев, но и на ее темп, так как припоминание, колебания в выборе рода замедляют акт говорения [2, с. 34].

Ошибки в согласовании существительных с прилагательными, местоимениями, числительными и причастиями, в согласовании подлежащего и сказуемого и др. – следствие недостаточного усвоения родовых форм – нельзя считать допустимыми. Программа ставит перед учащимися достаточно сложные задачи в овладении разными видами речевой деятельности, поэтому серьезная отработка родовых форм на начальном этапе может предупредить многие речевые ошибки в дальнейшем, на стадии владения языком. Опыт показывает, что на начальном этапе обучения, когда учащимся приходится преодолевать интерференцию двух языков – родного и русского, нельзя исключать из учебного процесса «чисто формальные» упражнения, так как это может отрицательно сказаться на прочности базы языка, которая в данный момент закладывается. При этом любопытно отметить, что «общей предпосылкой возникновения интерференции является то, что индивид, употребляя в речевой ситуации второй, неродной, язык, всегда в той или иной степени использует языковые средства родного (основного) языка. Явления интерференции могут возникать на любом языковом уровне: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом, а также в графике языка» [1, с. 13].

С родом имен существительных связано усвоение прилагательных, местоимений (имеющих такие же формы изменения, как прилагательные), прошедшего времени глаголов, причастий. Овладение этими грамматическими классами и разрядами

слов и правильное построение предложений с ними будет проходить тем успешнее, чем более будет автоматизирован навык пользования родовыми формами имен существительных.

Список использованной литературы

1. Вишневецкая Г.М., Абызов А.А. Канадский языковой разлом (англо-французский билингвизм). Иваново: ИВГПУ, 2016. 200 с.
2. Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. М.: Педагогика, 1991.
3. Остапенко В.И. Обучение русской грамматике иностранцев на начальном этапе. М.: Рус. яз., 1987. 144 с.

Е. Н. Жукова, И. К. Тихонова

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ДЕЛОВОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Ивановский государственный политехнический университет
e-mail: k_inost@ivgpu.com, oleg-bolgar2014@yandex.ru

Рассматриваются проблемы обучения студентов деловому английскому языку. Деловое общение основывается на словарных единицах современного английского языка, на основных грамматических законах построения слов, словосочетаний и предложений. Важную роль в этом играет знание фразеологических единиц. Знание всех этих особенностей способствует более эффективному общению.

Ключевые слова: бизнес-коммуникация; деловой язык; фразеологическая единица; речевые клише; терминологизмы; заимствования.

Востребованность английского языка в современном мире сейчас очевидна для всех. Английский язык играет исключительно важную роль в таких областях человеческой деятельности, как наука, техника, экономика и т. д. Он выступает в качестве рабочего языка большинства международных научных, технических,

политических, профессиональных конгрессов, конференций, симпозиумов и семинаров.

В зависимости от сферы употребления выражение «деловой английский» может пониматься как область современного английского языка, учебный предмет, а также как владение совокупностью навыков, необходимых для эффективного делового общения. Деловой английский используется как профессионалами, так и непрофессионалами в процессе делового общения в самых разных ситуациях и обстоятельствах. Деловой английский представляет собой достаточно специализированную область словарного состава современного английского языка, которой не так легко овладеть без достижения среднего уровня обычного, разговорного английского языка. Разговорный навык бизнес-коммуникации необходим для делового общения на английском языке по телефону, для проведения презентаций и выступлений с применением характерных речевых оборотов, крылатых выражений и правильных интонаций.

В подавляющем большинстве деловых контекстов деловое общение основывается на словарных единицах, входящих в основной словарный состав современного английского языка, и на основных грамматических законах построения слов, словосочетаний и предложений. Так, в языке делового общения часто используются общеизвестные и распространенные слова, которые в деловых контекстах получают новое значение: *to run the company*, *to run a training program* – *руководить компанией, проводить обучающую программу*. Весьма распространенной группой глаголов в деловом общении являются глаголы, обозначающие различные формы контроля и руководства деятельностью компаний и сотрудников, например: *to manage*, *to supervise*, *to oversee*, *to guide*, *to check*, *to instruct*. Большая группа глаголов, обозначающих различные виды взаимодействия внутри компании или организации, относится к общеизвестным словам современного английского языка: *to accountable to*, *to report to*, *to be under*, *to be in charge of*, *to look after*, *to take care of*, *to be responsible for*, *to work together*, *to cooperate*. В деловых контекстах часто встречаются глаголы и словосочетания, обозначающие различные формы деятельности: *to deal with*, *to handle*, *to perform*, *to operate*, *to launch*, *to promote*, *to distribute*, *to specialize in*.

Изучение иностранного языка невозможно представить без изучения фразеологических единиц, поскольку дословный перевод не отражает их явный смысл. Во многих работах отечественных и зарубежных исследователей находим следующее определение фразеологизма или фразеологической единицы: «Фразеологизм представляет собой семантически несвободное сочетание слов, в которых закреплён определенный смысл и лексико-грамматический состав» [1, с. 391]. Они распространены в каждом языке и характеризуются устойчивостью, эмоциональной окрашенностью речи, отражают национальный колорит и культуру. Что касается деловой сферы общения, то она отличается быстротой реакции собеседника, скоростью обмена репликами, идеями и предложениями. Поэтому знание фразеологии данного языка позволяет не только эффективно общаться, но и лучше понимать культуру данной страны. Можно выделить следующие группы фразеологизмов делового общения.

Речевые клише, т. е. готовые формулы, имеющие информативно-необходимый характер в соответствии с коммуникативными требованиями [2, с. 588–589].

Например: *Изменения, дополнения настоящего договора производятся на основании письменного соглашения сторон.* – *Changes, additions of this contract are made based on a written agreement by Parties* (дословный перевод: *Все изменения и дополнения к настоящему договору требуют письменной формы под угрозой недействительности*).

Терминологизмы, т. е. языковые сверхсловные единицы – результаты взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии [3].

Например: *акции падают* – *shares fall*: терминологическое значение: *стоимость акций, т. е. ценных бумаг на бирже, понижается*; фразеологическое значение: *чь-то акции падают* – *чьё-то значение понижается*; *акции повышаются (растут)* – *shares rise*: терминологическое значение: *стоимость акций, т. е. ценных бумаг на бирже, повышается*; фразеологическое значение: *чь-то акции повышаются (растут)* – *чьё-то значение повышается*; *иметь на счету* – *to have on deposit*: терминологическое значение: *обладать определённым количеством денежных средств, находящихся в банке*; фразеологическое значение: 1) *иметь в числе боевых тро-*

феев и спортивных побед, наград и т. п., 2) иметь достижения, обычно в профессиональной или публичной деятельности, 3) иметь преступную историю.

Кальки и заимствования из английского в русский язык, являющиеся отражением интернационализации сферы делового общения.

Например: *to do the shopping* – заниматься шопингом; *black knight* – чёрный рыцарь; *Internet café* – интернет-кафе; *skim the cream off* – снимать сливки; *work as a broker* – работать брокером; *lay-offs* – сокращение кадров; *take-home pay* – чистый заработок; *job-seeker* – человек, ищущий работу; *long-term unemployed* – безработный в течение долгого времени; *overtime* – сверхурочная работа; *self-employed person* – человек, работающий не по найму; *wage earner* – наемный рабочий; *to be fired* – быть уволенным; *full-time job* – работа, занимающая все рабочее время.

Фразеологизмы, свойственные неофициальной речи в деловом общении [4].

Например: подниматься по карьерной лестнице – *to climb the career ladder*; офисный планктон – *office plankton*; быть вызванным на ковёр – *to be called on the carpet*; тёплые местечки – *warm towns*.

Считается, что включение курса фразеологии в курсы обучения деловому общению способствует значительному повышению языковой компетенции изучающих язык, усилению мотивации и интереса к иностранному языку. Изучение делового английского языка как общепринятого средства общения необходимо, а знание его фразеологии не только упрощает процесс вхождения в профессионально-деловую сферу для будущих специалистов, но и помогает понять иноязычную культуру, развить их социокультурную компетенцию.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что деловой английский – не обособленная область внутри системы современного английского языка. Его специфика заключается не в качественном отличии употребляемых слов и конструкций, а в закреплении за ними специальных значений и функций, соответствующих деловым контекстам.

Таким образом, изучение языка делового общения означает не столько изучение новых слов и выражений, сколько их упо-

ребление в новых деловых контекстах, которые влекут за собой изменение их традиционных значений.

Список использованной литературы

1. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб.: Златоуст, 1999. 472 с.

2. Винокур, Т.Г. Штампы речевой // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1998. С. 588–589.

3. Гутарева Н.Ю. Обучение фразеологии в рамках делового общения на примере русского и английского языков // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 1328–1330.

4. Никулина Е.А. Взаимодействие и взаимовлияние терминологии и фразеологии современного английского языка. М.: Прометей, 2004. С. 288.

Е. А. Захватова

ОБУЧЕНИЕ РИТОРИКЕ АНГЛИЙСКОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ НА МАТЕРИАЛЕ СЦЕНИЧЕСКИХ МОНОЛОГОВ

Ивановская государственная медицинская академия Министерства здравоохранения Российской Федерации
e-mail: sunset23@bk.ru

В статье рассматривается методика обучения риторике, основанная на английских сценических монологах. Данные наблюдения будут полезны в практике обучения интонации сценической речи на занятиях по иностранному языку.

Ключевые слова: риторика; интонация; сценический монолог.

Центральной темой современных лингвистических исследований XXI века является «человек говорящий». В связи с этим важное значение приобретает культура речи говорящего, его

умение и способность правильно и доступно излагать свои мысли, то есть искусно владеть ораторским словом.

Известно, что основой современной риторики являются достижения таких гуманитарных наук, как лингвистика, теория коммуникации, психология общения, этика, социология, логика, семиотика и др., так как ученых интересует красноречие, ораторское искусство в разных сферах деятельности. Как отмечает О.Б. Сиротинина (1997), сопоставление риторики с речеведческими дисциплинами и науками дает более точное определение объекта и предмета современной риторики, а также позволяет поставить риторику в один ряд с науками, изучающими теорию общения. В контексте данного исследования, вслед за М.Н. Кожиной, риторика определяется как «...теория и практика достижения оптимизации речевого общения, повышение его эффективности посредством целесообразного использования лингвистических и экстралингвистических средств» [4, с. 29].

Так как на сегодняшний день риторика носит междисциплинарный характер, то сведения из области риторики «...можно использовать не только в ораторской речи, но также и в художественной, причем использовать не только для того, чтобы сделать речь красивой, но и осмысленной, и глубокой» [3, с. 4]. Речь оратора содержит *тематико-смысловые центры* и *экспрессивно-выделенные участки*, являющиеся выражением главной мысли и тематического содержания высказывания и имеющие основную смысловую нагрузку, цель которых заключается в воздействии на чувства и эмоции слушающего. Именно эти качества «...присущи и речи художественных персонажей, чьи монологи можно определить как образцовые, риторически выстроенные речевые произведения» [3].

Таким образом, сценический монолог можно рассматривать как вид *риторического дискурса*, представляющий собой интонационно и композиционно организованный звучащий текст, обладающий определенной интонационной оформленностью, а также коммуникативно-речевыми и коммуникативно-прагматическими характеристиками.

В ораторском искусстве интонация является важнейшим лингвистическим средством воплощения замысла оратора и его эмоций, а также преднамеренным и осознанным средством воз-

действия на зрителя. Оратор должен умело использовать все интонационные особенности устной звучащей речи, чтобы сделать свою речь выразительной, эмоциональной, воздействующей, обладающей неповторимым и индивидуальным характером, акцентируя внимание слушателей путем повышения или понижения голоса в нужном месте, используя определенный темп речи, логические и эмфатические паузы. Отечественный ученый С.И. Бернштейн справедливо отмечал, что «...оратор, учитель, лектор – всякий, кто хочет воздействовать звучащей речью, – должен путем систематических наблюдений осознать выразительное значение отдельных факторов речевого звучания и целостных фонетических стилей, должен научиться преднамеренно вызывать звучанием своей речи определенную эмоциональную и волевую реакцию» [1, с. 33].

В рамках настоящего исследования, вслед за Г.М. Вишневской [2], под интонацией понимается «...диалектическое единство тесно взаимодействующих друг с другом и одновременно противопоставленных друг другу наиболее важных супrasegmentных свойств звучащей речи, передающих как смысловое, так и модально-эмоциональное значение высказывания на базе их лексико-грамматического состава и синтаксического строения, в процессе коммуникации».

Таким образом, практическая значимость обучения риторике английской звучащей речи на материале сценических монологов заключается в том, что у обучающегося формируются навык и умение на слух выделять определенные интонационные техники воздействия на зрителя, а также умение владеть своим речевым аппаратом (происходит воспитание речевого голоса и культуры иноязычной речи). Ведь успешность речевой коммуникации зависит от умения грамотно использовать средства языка, включая интонацию как яркую характеристику звучащей речи.

Актуальность заявленной темы также подтверждается неподдельным интересом со стороны студентов Ивановского государственного энергетического университета им. В.И. Ленина, которые ежегодно на протяжении 14 лет (с 2002 года) принимают участие в ораторском конкурсе на английском языке, проводимом кафедрой интенсивного изучения иностранного языка. Сре-

ди участников также есть студенты из других неязыковых университетов г. Иванова. В 2017 году в конкурсе впервые приняли участие студенты Ивановской государственной медицинской академии Минздрава России.

Перед студентами стояли следующие задачи:

- 1) из предложенного списка выбрать тему выступления;
- 2) грамотно составить текст выступления;
- 3) применяя сведения из области риторики, выразительно представить свое выступление в устной форме.

В результате текст выступления был составлен с точки зрения грамматики и лексики правильно, но речь участников была совершенно не выразительной и эмоционально бледной. А в ораторском искусстве интонация является важнейшим средством воплощения замысла оратора. В центре внимания риторики находится совершенная речь, т. е. убедительная, ясная, эффективная, уместная, целесообразная, точная. В связи с этим студентам было предложено прослушать и просмотреть ряд выдающихся англоязычных образцов сценических монологов с целью осознать и прочувствовать роль и значимость интонации звучащей английской речи, поскольку культура любого языка познается с помощью его звуковой формы.

После прослушивания участникам было предложено проследить взаимосвязь между содержанием текста и его звуковым воплощением. Таким образом, конкурсанты проанализировали сценические монологи с позиции риторики, т. е. на уровне содержания (система аргументации), на уровне композиционного строя, на уровне стиля и на интонационном уровне. Студентам удалось проследить путь от «мысли к звучащему слову» [6, с. 6], в результате чего конкурсанты убедились, что интонация играет важнейшую роль в реализации замысла говорящего.

Уже имея представление об искусстве ораторского слова и его правильном воплощении, на следующем этапе участники проанализировали свои выступления с позиции риторики. Здесь студенты уже самостоятельно смогли выделить те участки речи, которые требуют высокой степени вариативности тональных, динамических, временных и тембральных характеристик. Теперь их речь звучала выразительно и эмоционально, обладала силой воздействия; участники акцентировали внимание слушателей путем

повышения или понижения голоса в нужном месте, используя определенный темп речи, логические и эмфатические паузы. В результате один из участников занял первое место в конкурсе ораторов на английском языке, а второй победил в номинации «Самая убедительная речь» (*The most persuasive speech*).

Таким образом, обучение риторике английской звучащей речи на материале сценических монологов носит актуальный характер в процессе обучения студентов неязыковых вузов. Погружение в языковую действительность посредством англоязычных сценических монологов дает студентам представление о звучащем слове, которое всегда рассматривается как «...речевой поступок, направленный на изменение ситуации» [3, с. 63].

Иными словами, владеть словом – значит, владеть ситуацией, а для современного общества это важно, так как современный человек является социально активной личностью. Риторика, охватывая широкий спектр наук, знаний, умений, учит речевому взаимодействию, обогащает внутреннюю культуру человека и способствует успешному развитию речевых навыков.

Список использованной литературы

1. Бернштейн С.И. Язык радио. М.: Наука, 1977. 47 с.
2. Вишневецкая Г.М. Английская интонация (в условиях русской интерференции). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. 84 с.
3. Гливенкова О.А. Способы организации риторического пространства в монологах героев художественной прозы: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 144 с.
4. Кожина М.Н. О понимании стиля и места языка художественной литературы среди функциональных стилей. Пермь, 1962. 251 с.
5. Сиротинина О.Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи. М.: Просвещение, 1996. 175 с.
6. Фрейдина Е.Л. Риторическая функция просодии: на материале британской академической публичной речи: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 407 с.

Ю. Н. Здорикова, Д. А. Берегова

ПРОБЛЕМА ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Ивановский государственный химико-технологический университет
e-mail: Ulia_zdor@mail.ru, matchoaa@mail.ru

В статье поднимается вопрос о литературной грамотности современного молодого поколения. Приводятся результаты эксперимента среди студентов, направленного на выявление уровня знаний русской классической и зарубежной литературы.

Ключевые слова: русская и зарубежная литература; круг чтения; языковая личность; современный студент; культурная грамотность.

Круг чтения современной молодежи, широта читательского диапазона, предпочтения в чтении во многом свидетельствуют об уровне сформированности языковой личности и ее культурной грамотности. Как отмечают В.А. Козырев, В.Д. Черняк, «современная жизнь дает богатый материал для размышлений над тем, какое влияние на формирование личности, на ее поведение, в том числе поведение речевое, оказывает круг читаемых и изучаемых текстов» [3, с. 132].

Следует учитывать также, что «чрезвычайно важной становится проблема культурной грамотности современника... В создавшейся ситуации отчетливо проявилась иллюзорность установления прямой взаимосвязи между уровнем полученного образования и степенью владения литературной нормой» [3, с. 134].

Проблема литературной грамотности – в центре внимания многих исследователей. Так, Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова, М.А. Симоненко, исследуя круг чтения учащихся Нижнего Поволжья, пришли к выводу, что сегодня «приоритетное место книжности как традиционной черты национального менталитета сохраняется, но не подкрепляется состоянием конкретных читательских практик» [1, с. 146]. На наш взгляд, значительна роль вузовского курса «Русский язык и культура речи», который во мно-

гом способствует формированию интереса к русской классической литературе, имеет большое воспитательное значение [2, 4].

Все вышеизложенное обуславливает актуальность обращения к вопросу о литературной грамотности молодого поколения. С целью выявления уровня знаний художественной литературы, как отечественной, так и зарубежной, нами проведено исследование среди студентов, обучающихся по направлению «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», в возрасте 18–20 лет. Респондентам был предложен опросник, включающий 32 позиции с вариантами ответов. Опишем наши наблюдения.

У большинства респондентов не вызвали затруднений ответы на вопросы: кому посвятил роман «Отцы и дети» И.С. Тургенев? какова настоящая фамилия Максима Горького? Верные ответы дали 70–80 % опрошенных. Только половина респондентов назвала, где родился поэт С.А. Есенин и кому посвятил стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» А.С. Пушкин. Вызвал затруднение вопрос, кто был редактором журнала «Современник»: лишь 14 % назвали Н.А. Некрасова. Менее половины опрошенных верно ответили на вопрос, какой писатель публиковался под псевдонимом Козьма Прутков. Целый блок опросника был посвящен отечественной литературе. Студентам было предложено 11 вопросов, позволяющих определить уровень знания не только сюжетной линии произведения, но и его образной системы. Так, 100 % опрошенных верно ответили, кого подковал главный герой повести Н.С. Лескова «Левша». 86 % назвали, какому монарху посвящен памятник в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник», сколько было сыновей у Тараса Бульбы, участником какого сражения был Андрей Болконский и сколько глав содержит роман «Евгений Онегин». Половина респондентов верно ответила на вопрос, какой персонаж называл себя «сыном турецкоподданного» (*Остан Бендер*), а также верно назвала главного героя романа Ф.М. Достоевского «Идиот» (*Лев Мышкин*). 57 % респондентов правильно ответили на вопрос, кем приходится Анна Каренина Стиве Облонскому, и назвали фамилию персонажа рассказа А.П. Чехова «Лошадиная фамилия» (*Овсов*). Только 29 % опрошенных смогли назвать имя кучера Чичикова (*Селифан*). Ни один из респондентов не смог верно ответить, как с грузинского переводится название поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри» (*Послушник*).

Аудитории также было предложено назвать авторов некоторых цитат. Не вызвал затруднений вопрос об авторе высказывания «Красота спасет мир»: 100 % назвали Ф.М. Достоевского. Также 100 % правильных ответов получено на вопрос, в каком произведении есть такой фрагмент: «Люди, как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...», все верно ответили, что это «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова. Однако лишь 57 % аудитории верно назвали произведение Л.Н. Толстого «Анна Каренина», из которого была взята достаточно известная цитата: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Достаточно известная цитата из А.С. Грибоедова – «Счастливые часов не наблюдают» – оказалась неизвестной для большей части аудитории: лишь 29 % смогли назвать автора и произведение. 14 % верно назвали автора (*С. Довлатов*) и произведение («*Чемодан*»), в котором есть такой фрагмент: «Ну, хорошо, съем я в жизни две тысячи котлет. Изношу двадцать пять тёмно-серых костюмов. Перелистаю семьсот номеров журнала «Огонёк». И всё? И сдохну, не поцарапав земной коры?.. Уж лучше жить минуту, но по-человечески!..». Никто не смог определить, кому принадлежат следующие строки: «Пешеходов надо любить. Пешеходы составляют большую часть человечества. Мало того – лучшую его часть. Пешеходы создали мир. Это они построили города, возвели многоэтажные здания, провели канализацию и водопровод, замостили улицы и осветили их электрическими лампами» (*И. Ильф и Е. Петров «Золотой теленок*»).

Респондентам было предложено также назвать авторов 6 цитат из произведений зарубежной литературы. Безошибочно по цитате «Все, кого ты любил, или бросят тебя или умрут. Всё, что ты, создал, будет забыто. Всё, чем ты гордился, со временем будет выброшено на помойку» узнали произведение Чака Паланика «Бойцовский клуб» 100 % студентов. Большая часть аудитории (71 %) верно определила по цитатам еще трех авторов и их произведения: 1) новелла «Дары волхвов» О. Генри: «Один доллар восемьдесят семь центов. Это было все. Из них шестьдесят цен-

тов монетками по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком, зеленщиком, мясником так, что даже уши горели от безмолвного неодобрения, которое вызывала подобная бережливость»; 2) повесть Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц»: «Когда мне было шесть лет, в книге под названием “Правдивые истории”, где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея – удав – глотала хищного зверя»; 3) роман Дугласа Адамса «Автостопом по Галактике»: «Отлично, – сказал компьютер. – Ответ на Главный Вопрос... – Ну...! – Жизни, Вселенной, и Всего Такого..., – продолжал компьютер. – Ну...!!! – Это... – сказал Глубокомысленный и сделал многозначительную паузу. – Сорок два, – сказал Глубокомысленный с неподражаемым спокойствием и величием».

Менее половины респондентов определили, из какого произведения цитата: «Утро было тихое, город, окутанный тьмой, мирно нежился в постели. Пришло лето, и ветер был летний – теплое дыхание мира, неспешное и ленивое. Стоит лишь встать, высунуться в окошко, и тотчас поймешь: вот она начинается, настоящая свобода и жизнь, вот оно, первое утро лета» («Вино из одуванчиков» Рэя Брэдбери). Только 29 % респондентов смогли верно назвать роман Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» по цитате: «Много лет спустя, перед самым расстрелом, полковник Аурелиано Буэндиа припомнит тот далекий день, когда отец повел его поглядеть на лед».

Респондентам также были предложены вопросы, связанные с названиями зарубежных произведений и героями. Не вызвал затруднений вопрос, кто является автором романа «Мартин Иден». Но лишь 29 % смогли назвать автора романа «Моби Дик» и указать пьесу, в которой есть персонажи Розенкранц и Гильденстерн.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что значительный процент верных ответов отражает знания известных произведений русской классической литературы, большинство которых включены в школьную программу или экранизированы. Наибольшую трудность вызвали вопросы, связанные с менее известными произведениями, в первую очередь зарубежной литературы.

Таким образом, исследование позволило выявить некоторые лакуны литературной грамотности и определить уровень культурной грамотности современного молодого человека.

Список использованной литературы

1. Дулина Н.В., Каргаполова Е.В., Симоненко М.А. Студент «читающий»? К вопросу о трансформации книжной культуры современного студенчества (по итогам прикладного социологического исследования) // Вестн. Калмыцкого ун-та. 2018. № 1 (37). С. 138–147.

2. Здорикова Ю.Н. О воспитательном потенциале дисциплины «Русский язык и культура речи» // Проблемы преподавания курса «Русский язык и культура речи» в вузах: тез. докл. М.: Науч. консультант, 2016. С. 13–15.

3. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная языковая ситуация и речевая культура: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2012. 184 с.

4. Фролова С.Л. Воспитательный потенциал дисциплины «Русский язык и культура речи» и его роль в формировании профессионального потенциала студентов // Рус. язык в шк. 2009. № 8. С. 69–72.

Е. Н. Клёмина

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *WORULD* В ПОЭМЕ «ЕЛЕНА»

Ивановская государственная медицинская академия Министерства здравоохранения Российской Федерации
e-mail: ekaterinanikos@mail.ru

*Статья посвящена выявлению семантических особенностей древнеанглийского существительного *woruld* посредством метода расширенного контекстуального анализа на материале поэмы «Елена» (IX в.).*

Ключевые слова: древнеанглийская поэтическая лексика; лексическая семантика; метод контекстуального анализа.

Культурно-значимая лексика древнеанглийской поэзии является, можно сказать, неисчерпаемым источником для семасиологических исследований. Специфика данной лексики заключается в ее семантическом богатстве, обусловленном влиянием двух культурных традиций – героико-эпической германской и латино-христианской. В настоящей работе предпринята попытка раскрыть особенности семантики древнеанглийского существительного *woruld*, которое репрезентирует один из ключевых концептов древнеанглийской пространственной картины мира. Материалом исследования послужила аллитерационная поэма IX века «Елена», в которой ее автор Кюневульф повествует о событиях, связанных с обретением в Иерусалиме Древа Креста Господня святой царицей Еленой.

Исследование выполнено в рамках текстоцентрического подхода – одного из перспективных отечественных направлений в исследовании семантики древнеанглийской поэтической лексики, разработанного Н.Ю. Гвоздецкой [1]. Данный подход предполагает применение метода расширенного контекстуального анализа, то есть анализа семантики слова в соотнесенности со всеми лингвопоэтическими структурами текста (фономорфологической, семантико-синтаксической и жанрово-композиционной). Метод контекстуального анализа был дополнен элементами компонентного анализа, сопоставительного анализа, лингвопоэтического и лингвостилистического анализа. Кроме этого привлекались данные словарных дефиниций, этимологии, параллельные места из Библии (латинской Вульгаты) и древнеанглийского героического эпоса «Беовульф», а также сведения культурно-исторического характера.

В семантике существительного *woruld* («мир», «век», «продолжительный период времени», «человечество») существенно важной является внутренняя форма слова. Слово состоит из двух корней: *wēr* (поэт. «мужчина, муж, герой») и *ield* («период времени», «время жизни», «возраст»), *ielde* (мн. ч. «люди») [5]. В древнеанглийском языке с помощью слова *woruld*, как комментирует Т.В. Топорова, «понятия из сферы времени и пространства описываются с антропоцентрической точки зрения, поскольку их основным содержанием и одновременно материальным наполнением оказывается человеческий возраст, поколение» [3, с. 38].

В поэме «Елена» существительное *woruld* относится к частотным лексемам (употреблено 12 раз). В девяти случаях слово одновременно обозначает материальный мир, где живут люди, и человеческий век (отрезок жизни человека в этом мире), причем в разных словоупотреблениях в семантике *woruld* актуализируется в большей степени то ‘временной’, то ‘пространственный’ компонент.

Следует отметить, что ‘временной’ компонент является исконным для анализируемого слова – его этимологическое значение: ср. двн. *weralt* «мир, век, продолжительный период времени», гот. *aldr* «возраст, время жизни», дсак. *aldar*, двн. *altar* «время жизни, жизнь, возраст» [5]. ‘Временной’ компонент акцентируется в семантике *woruld* в контекстах, связанных со следующими мотивами поэмы: 1) жизнь, рождение человека на белый свет, ‘в этот мир’ («из тех, кого жена или муж в мир родили» (об апостоле Павле) *þara þe wif oððe wēr / on woruld cendan – 508*)¹. ‘Человеческий фактор’, присущий семантике *woruld*, хорошо просматривается в аллитерации данной лексемы со словами *wif* и *wer* в долгой строке; 2) смерть человека, уход из мира людей («расставаясь с миром» *wende hine of worulde – 440a*); 3) деятельность (благие, богоугодные деяния) человека в этом мире («как в мире раньше / пророки воспевали» *hu on worulde ær / wītgan sun-gon – 561*; для Константина величайшее утешение «настало в мире / при радостной вести» (обретения св. Креста) *geworden in worlde / æt ðam willspelle – 993*; Елена нашла великие христианские святыни, исполнив тем самым свое «желание в мире» *willan in worulde – 1152a*; поэт использовал Божий дар стихотворчества «с радостью в мире» *willum in worlde – 1251a*). Положительные коннотации слова *woruld* подчеркиваются аллитерацией с лексемой *will*, выражающей во всех трех последних контекстах ‘духовную радость’. В строках 508 и 440 слово имеет нерелигиозный характер, тогда как в остальных случаях у него просматриваются христианские коннотации, связанные с назначением человека в этом мире – приумножать добрые дела во Имя Господне.

¹ Здесь и далее текст поэмы «Елена» цитируется по [4]. После номера поэтической строки буква ‘а’ обозначает первую краткую строку, буква ‘b’ – вторую краткую строку. Перевод автора статьи. – Е.К.

Совершенно иной темпоральный характер сообщает лексема *woruld* в значении «мир как вечность», которая имеет начало на земле и которой не будет конца и по окончании временной земной человеческой жизни («тех слава пребывает // и их господство // во веки веков, / радостью исполнены» [т. е. кто славит распятого Христа] *þara dōm leofað // and hira dryhtscipe // in woruld weorulda, / willum gefulled* – 450b–452a). Формула *woruld weorulda* является калькой латинского богослужебного выражения *in saecula saeculorum* (Phil. 4, 20) «во веки веков». Существительное *woruld* теряет здесь земной, вещественный референт и, будучи употреблено в сугубо терминологическом смысле, приобретает христианское значение ‘вечность’. Таким образом, в семантике данного слова появляется новый ‘вневременной и внепространственный’ компонент. Слову *woruld* сообщаются максимально положительные коннотации как на уровне контекста долгой строки – в аллитерационной коллокации *woruld/will* (где *will* – ‘духовная радость’), так и на уровне высказывания, в котором наименование вечности *woruld weorulda* оказывается тесно связанным со словами, обозначающими славу (*dōm*) и господство (*dryhtscipe* – букв. «дружинная власть») праведников.

‘Экзистенциально-темпоральный’ компонент появляется у слова *woruld* в контексте повествования о жизни людей после грехопадения в ожидании пришествия Мессии (истина спасения возвещалась «от начала мира» (*fram fruman worulde* – 1141b), т. е. от начала жизни первых людей). ‘Пространственный’ компонент преобладает у анализируемой лексемы в значении «материальный мир людей (в широком смысле)» как бранный. У слова *woruld* возникают отрицательные коннотативные оттенки в связи с употреблением в эсхатологическом отрывке, повествующем о конце мира в преддверии Страшного Суда и вечности («итак, этот мир // весь отойдет» *swa þeos woruld // eall gewiteð* – 1276b–1277a).

В двух отрывках, связанных с мотивом спасения Христом отпавшего от Бога человечества, у слова *woruld* на первый план выступает ‘антропологический’ компонент значения. Здесь *woruld* получает следующие контекстуальные смыслы: 1) «человечество» – как спасенное Сыном Божиим (ради Его страданий на кресте) от духовной гибели и смерти для вечной жизни с Богом («от смерти Сам // мир поднял» *of dēað sylf // woruld āwehte* – 303b–304a).

Обозначенный смысл слова подтверждается и тем, что, будучи объектом при глаголе *āweccan* («пробуждать», «поднимать»), *woruld* приобретает персонифицированный характер: акт спасения человечества образно выражен через «пробуждение» человеческих душ (к вере в Бога, к покаянию и т. п.); 2) «люди» – как свидетели великой радости обретения Креста (иудеи «перед миром») (*for worulde* – 978a) не могли омрачить радость христиан об обретении Креста).

Итак, в поэме «Елена» слово *woruld* кодирует широкозначный пространственно-временной концепт христианской картины мира и получает следующие значения и смыслы: 1) «материальный мир людей» – как век человеческой жизни (мир рождения, благой деятельности и смерти людей), в том числе как время жизни после грехопадения, или тот же мир как бранный; 2) «человечество» – как спасенное Христом или «люди» – как свидетели обретения св. Креста; 3) «мир как вечность».

В отличие от эпоса «Беовульф», где у *woruld* превалируют значение «краткий человеческий век» и тревожные коннотации [2, с. 102], в поэме «Елена», сугубо христианской по тематике, у *woruld* доминируют положительные коннотации, связанные с обозначением посредством *woruld* благого мира, спасенного Христом мира и нескончаемой вечности. Отрицательные коннотации присутствуют лишь в одном контексте при обозначении данным словом тленного, скоротечного века сего.

Таким образом, проведенный детальный контекстуальный анализ древнеанглийской лексемы *woruld* в поэме «Елена» позволяет современному читателю лучше понять не только данное поэтическое произведение, но и само представление о мире (пространственную картину мира) англосаксов эпохи христианизации.

Список использованной литературы

1. Гвоздецкая Н.Ю. Прологомены к текстоцентрическому описанию семантики древнеанглийского поэтического слова // *Philologica Scandinavica*: сб. к 100-летию со дня рождения М.И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 28–42.

2. Карпова Е.А. Древнеанглийская пространственная лексика как отражение древнеанглийской поэтической модели мира

(опыт линвокультурологического анализа): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2002. 246 с.

3. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994. 192 с.

4. Cynewulf's *Elene* / ed. by P.O.E. Gradon. London, 1958. Revised edition. Exeter, 1996. 118 p.

5. Online Etymology Dictionary / Douglas Harper [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com>. (дата обращения 10.05.2018).

Л. В. Корнилова

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ивановская государственная сельскохозяйственная академия
имени Д.К. Беляева

email: liubov.kornilova@yandex.ru, inyaz@ivgsha.ru

В статье рассматриваются факторы, констатирующие усиление глобализационных тенденций и их влияние на образовательные процессы, подчеркивается необходимость создания международной нормативной базы стимулирования глобальной интеграции систем высшего образования, констатируется необходимость формирования специалиста инновационного типа. Уделяется внимание новым коммуникационным технологиям и интернету, предлагающим новые возможности более гибкого высшего образования.

Ключевые слова: постиндустриальная экономика; информатизация общества; образование; роль иностранных языков.

В процессе становления постиндустриальной экономики следует констатировать, что в мире появились силы и тенденции, определяющие социальную среду, в которой должно развиваться высшее образование в XXI веке. Хотя интернационализация вовсе не нова для университетов и политики высшего образования, силы

и напряженность в рамках общей концепции «глобализации» представляют собой радикально отличающуюся среду, в которой должны развиваться институты высшего образования.

Изменения, с которыми высшее образование все чаще сталкивается в мире, являются сложными, разнообразными и даже противоречивыми, а общая концепция глобализации далека от ясности и четкости. Однако она указывает на то, что различные изменения переплетаются и создают новые формы взаимозависимости между субъектами, институтами и государствами.

Влияние глобализационных тенденций и проблем на высшие учебные заведения является общим и глубоким, но также конкретным в зависимости от их точного местоположения на мировой арене. Существует опасность обобщения и чрезмерного упрощения, когда речь заходит о глобализации; разнообразие должно быть признано, но в некоторой степени продвинуто. Тем не менее можно попытаться определить некоторые общие тенденции в высшем образовании, которые так или иначе связаны с глобализацией.

Глобализация и переход к обществу знаний создают новые и значительные требования и требования к университетам как к центрам знаний. Научные исследования и разработка технологий являются важной деятельностью в обществе, основанном на знаниях и информации, и станут еще более важными в будущем. И хотя научные исследования давно имеют международное измерение, но интернационализация исследований значительно ускорилась в последние годы.

Международные коммуникации (публикации, конференции, создание электронных сетей) в рамках научного сообщества и стандарты качества для научных сотрудников, оцененные в соответствии с международными стандартами, должны разрабатываться университетами, стремящимися к качественной оценке.

Как побочный эффект глобализации исследований и разработок: сама академическая профессия становится более мобильной и появляется высококонкурентный международный рынок исследователей, что приводит к их организованной миграции и утечке мозгов.

Новая роль университетов как «центров знаний» распространяется на другие функции, помимо науки и исследований.

Высокий уровень глобального спроса на университеты создает напряженность в институтах и подталкивает их к тому, чтобы они стали более профессиональными и лучше управляемыми, в то же время стимулирует другие организации заниматься этими видами деятельности, иногда с идеей, что традиционные университеты не смогут удовлетворить эти новые требования.

Спрос на высшее образование будет не только увеличиваться количественно, но и диверсифицироваться. Новые коммуникационные технологии и интернет предлагают новые возможности для более гибкого высшего образования, что удовлетворяет спрос в некоторых странах, где традиционные институты не могут этого сделать и создают дополнительный спрос в других странах.

Интернационализация и глобализация разрушают национальные нормативные рамки, в которых университеты укоренились. В условиях международной обстановки, либерализованного рынка труда, глобализации профессий, мобильной квалифицированной рабочей силы, международной сферы научных исследований и академического персонала международная конкуренция между университетами и между университетами и другими учреждениями и предприятиями становится все более неуместной. Учреждения уже знают об этом и развивают приграничные партнерства, консорциумы и сети, чтобы укрепить свои позиции на мировой арене. Программы мобильности (ERASMUS/SOCRATES) и такие проекты, как Европейская система кредитных переводов, пытались стимулировать интернационализацию высшего образования в полном соответствии с различными национальными политическими структурами. Процесс, инициированный Болонской декларацией (1999 г.) в Европе, является наглядным примером.

Глобализация в высшем образовании не обязательно подразумевает международную стандартизацию, но требует политики, которая балансирует между глобальными и местными. Необходима международная нормативная база для преодоления размытых национальных политических контекстов и, в определенной степени, стимулирования глобальной интеграции систем высшего образования.

Важнейшим фактором производства в постиндустриальной экономике становится человеческий капитал, включающий в себя

запас знаний, навыков, мотиваций. Инвестициями в него могут быть образование, накопление профессионального опыта, охрана здоровья, географическая мобильность, поиск информации. Специалисты, получившие образование, должны быть способны к регенерации новых идей, методов работы, на социальные контакты, профессиональную коммуникацию, включая иноязычную.

В условиях глобализации научного процесса необходимо формировать новые контуры системы непрерывного образования, ориентированного на креативную педагогику и опирающегося на высокоэффективные информационные технологии.

Недостаточная проработанность перспектив социально-экономического развития общества или несоответствие магистральных направлений этого развития, мотивов и планов лиц, выбирающих профессии, ведут к негативным результатам: к неудовлетворенности профессией, невостребованности на рынке труда, нецелевому использованию ресурсов госбюджета и домохозяйств. В итоге страдают выпускники, а также бизнес и государство, которые вынуждены переучивать их. В этом случае следует говорить о недоработках государственных и предпринимательских структур в области прогнозирования, перспективного планирования, мотивации обучаемых и т. д.

Глобализация меняет все, включая экономику, образование и культуру. Вместо индустриальной экономики приходит постиндустриальная экономика знаний и непрерывного образования. Современный мир и общество все больше и больше нуждаются в людях, умеющих творчески мыслить, анализировать и понимать окружающих. И иностранный язык – одно из лучших средств, позволяющих развивать эти навыки.

Знание иностранного языка помогает молодым людям поступить в хороший вуз и получить престижную профессию, так как большинство ведущих вузов на многих специальностях вводят иностранный язык в качестве вступительного экзамена. Знание иностранного языка также будет способствовать и получению более качественного образования и в самих вузах, поскольку большинство из них включают в программу некоторые курсы, читаемые на иностранном языке, приглашают иностранных преподавателей и отправляют студентов на профессиональную стажировку за рубеж.

В 2003 году Россия присоединилась к общеевропейской системе высшего образования. Постепенно идет интеграция систем высшего образования всех европейских стран, включая Россию. Студенты получают дополнительные возможности для учебы и дальнейшей работы за рубежом. Программы международных студенческих обменов, такие как Workand Travel, AuPair, Internship, предоставляют возможности молодым людям из разных стран ближе узнать друг друга, познакомиться с культурой других стран. И тысячи российских студентов, зная иностранный язык, пользуются этой возможностью. Обучение в Великобритании, Германии, Франции, Швейцарии, прочих европейских странах, в Канаде и США – хороший трамплин для успешной карьеры, поскольку дипломы учебных заведений этих стран признаны во всем мире, а их университеты занимают ведущие места в международных рейтингах.

Необходимость решения образовательных задач обусловлена тем, что развитие стратегического кадрового потенциала страны предполагает формирование инновационного, активного работника, должно опираться на мотивированную личность и качественные изменения в организации высшего образования, базирующиеся на долгосрочных прогнозах социально-экономического развития общества.

Список использованной литературы

1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.unesco.org/education/.../highlights/.../keynote_fr.doc (дата обращения: 28.03.2018).
2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/fr/sites/eduimhe/44302939> (дата обращения: 28.04.2018).
3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cairn.info/revue-politiques-et-gestion-de-l-enseignement-superieur-2007-1-page-49.htm> (дата обращения: 28.04.2018).

Е. В. Орлова

НЕНАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ПИСЬМЕННОГО ДИСКУРСА ПО ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (К ВОПРОСУ О СЛОВСОЧЕТАЕМОСТИ)

Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России
e-mail: orlova.teddy@gmail.com

Статья посвящена анализу особенностей англоязычного письменного дискурса сферы профессиональной деятельности пожарных в условиях аудиторного билингвизма. Доказывается, что данный вид дискурса занимает особое место в англоязычной коммуникации. Рассматриваются основные характеристики ненативности англоязычного письменного дискурса профессиональной сферы пожарных с точки зрения словосочетаемости.

Ключевые слова: письменный дискурс; ненативность; профессиональное общение; лексическая сочетаемость; коллокация.

В России вторым по популярности языком после русского является английский язык. Английский язык – это инструмент коммуникации в межкультурном пространстве. Нативизация английского языка в России является важной задачей на сегодняшний день. М. Крибб предлагает заменить понятие «нативность» (*nativeness, nativelikeness, native-like proficiency*) на компетентное владение языком (*expertise in the use of a certain language*) [5].

Приоритетной задачей преподавателя является обучить английскому языку таким образом, чтобы воздействие на восприятие слушателя или читателя не носило негативный характер. В этой связи главной задачей неносителя английского языка является создание расширенного дискурса (письменного или устного), который позволил бы слушателю/читателю создать связную, логически последовательную реализацию текста [5].

Согласованность текста на различных уровнях (грамматическом, синтаксическом, лексическом, прагматическом) тесно связана с понятием *сочетаемости*. Как справедливо отмечает Н.В. Юдина, сочетаемость проявляется в дискурсивном употреб-

лении языковой единицы и может быть изучена на уровне словосочетания [4].

В лингвистике понимание словосочетания связано прежде всего с именем выдающегося ученого В.В. Виноградова. Он определил словосочетание с точки зрения теории обусловленности как сложное наименование, «продукт семантического распространения слова», «расчлененное обозначение единого понятия», представляющее собой конструктивную синтаксическую единицу, используемую в процессе языкового общения [1].

Коллокация как разновидность словосочетания существует в языке в готовом виде и обеспечивает линейность речи [3]. Эти естественные выражения, с одной стороны, вызывают огромную сложность у неносителей английского языка, так как не позволяют соединять лексические единицы на свое усмотрение, а, с другой стороны, обеспечивают компетентное владение языком или его нативизацию в той или иной степени.

Изучение профессионального дискурса является одной из перспективных областей исследования. Дискурс как вербальный продукт коммуникативного действия может существовать в устной и письменной формах [2]. Дискурсивное пространство сферы пожарной безопасности предстает как сложная семиотическая система, представленная в виде текстов, изображений, аудио- и видеоматериалов по тематике сферы профессиональной деятельности пожарных-спасателей, структурно организованных для вовлечения языковой личности (как специалистов, так и неспециалистов) в рамки общего англоязычного научного дискурсивного пространства.

С целью выявления особенностей англоязычного письменного дискурса на предмет присутствия тематических коллокаций предпринята попытка проанализировать тексты, посвященные повседневной работе пожарных-спасателей, обеспечению безопасности, проведению спасательных работ, ликвидации последствий стихийных бедствий, техногенных катастроф и других чрезвычайных ситуаций, опубликованные в англоязычных СМИ за 2017 г.

Следует отметить семантическую обусловленность лексики данных текстов. К ключевым лексическим элементам можно отнести: *fire, blaze* (пожар, огонь, пламя), *emergency* (ЧС), *response* (реагирование), *rescue* (спасение). Данные элементы входят в со-

став наиболее характерных тематических коллокаций описываемой предметной области. Можно выделить следующие структурные типы коллокаций: **глагол.+сущ.:** *battle blaze, tackle blaze, battle fire, fight fire, extinguish fire, control fire*; **глагол.+предл.+сущ.:** *put out fire, respond to blaze, be on fire*; **сущ.+глагол.:** *fire spreads, fire engulfs, fire burns*; **сущ.+глагол.+предл.:** *fire breaks out, fire dies down*; **прил.+сущ.:** *immediate incident, massive fire, huge blaze, massive blaze, major incident*; **сущ.+сущ.:** *emergency responder, rescue team, support personnel, fire brigade, recovery efforts, emergency crew, fire spread, fire response*; развернутые коллокации, включающие предлоги и более расширенные и сложные конструкции: *perform a search and rescue, battle rapidly spreading wildfires, search and rescue crews, in the line of duty, life-threatening conditions, administer emergency care.*

Одной из особенностей англоязычного письменного дискурса профессиональной сферы пожарных является довольно высокая плотность сочетаемости. Каждый текст содержит коллокации сферы пожаротушения. В англоязычном письменном дискурсе сферы пожаротушения данные конструкции обладают значительной степенью рекуррентности и автоматизма при воспроизведении. В контексте профессионально ориентированного общения данные коллокации приобретают статус терминов.

С целью определения степени ненативности письменного дискурса были использованы сочинения и эссе обучающихся Ивановской пожарно-спасательной академии по дисциплинам «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной сфере». Ненативность письменного дискурса в сфере профессиональной деятельности пожарного проявилась в следующих характерных ошибках:

- несоблюдение синтаксической сочетаемости: *measures for protect people's lives* (правильно: *for protection people's lives*);

- незнание норм лексической сочетаемости: *a very big damage* (правильно: *great damage*);

- неправильный порядок слов на уровне словосочетания и предложения: *firefighters hard train* (правильно: *train hard*);

- грамматически неправильно оформленные предложения: *Every day firefighters routinely face risks, work irregular hours and must be respond to calls regardless of weather* (необоснованное употребле-

ние наречия *routinely* и пассивного залога, при этом форма глагола употреблена неверно; возможно: *have irregular working hours*);

- буквальный перевод: ...*mistakes will happen*; *All rescue missions they make together as a team* (интерферирующий фактор родного языка, когда слова подбираются по аналогии с русским клише);

- незнание национальной специфики/калькирование с русского языка: *It is hard in learning, but easy in fight* (попытка перевода пословицы «тяжело в учении – легко в бою»);

- построение фразы по аналогии с русским языком: ...*when fireman is going on fire*; ...*on fire fireman must be very safe* («идти на пожар, на пожаре» существует в русском разговорном языке; англ. выражение *go on fire* употребляется в значении «разгораться, поджечь», например: *Look how long it takes to go on fire*);

- излишнее/неверное употребление предлогов: ...*to make the way out in some construction collapses* (верно: ...*to make their way out of*).

Подобные ошибки связаны с сочетаемостью и влекут за собой «потерю» логической связности и последовательности текста, что с большой вероятностью окажет негативное влияние на восприятие ненативного текста носителем языка. Дискурс может быть настолько ошибочным, что слушатель больше не сможет его воспринимать (*The discourse may become so disturbed that it can no longer be tolerated by the listener*) [5].

В текстах курсантов Ивановской пожарно-спасательной академии (неносителей английского языка) коллокации практически не используются, что определяет данные тексты как ненативные. Особое значение имеет интерферирующий характер, связанный с негативным воздействием родного языка. Грамматические конструкции, характерные для русского языка, также доминируют. Пассивные конструкции практически не используются. Скучный лексический запас тоже характерен для русскоязычной аудитории. Основная ошибка, мешающая реализации коммуникативной задачи, проявилась в том, что обучающиеся переводили слова по отдельности, игнорируя их сочетаемость и использование в действительности.

Таким образом, ненативность английского письменного дискурса в сфере профессиональной деятельности пожарного

напрямую связана с компетенцией владения иностранным языком. В контексте словосочетаемости английские коллокации – эффективное средство нативизации письменного дискурса.

Список использованной литературы

1. Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетания // Вопр. языкознания. 1954. № 3. С. 3–24.
2. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.
3. Орлова Е.В. Английская коллокация в условиях интерференции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010. 24 с.
4. Юдина Н.В. Сочетания «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте. М.; Владимир: Ин-т языкознания РАН; ВГПУ, 2006. 427 с.
5. Cribb M. Discourse and the Non-Native English Speaker. N.Y. 2009. 380 p.
6. Seidhofer B. English as a lingua franca // ELT Journal. 2005. Vol. 59. № 4. P. 339–341.

А. Н. Смирнова, Н. Б. Хромова

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВОПРОСУ О СТИЛЯХ ПРОИЗНОШЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Ивановский филиал
e-mail: annick_smirnova_@mail.ru, Strauch77@gmail.com

Вопрос стилистической дифференциации современного английского языка, как, впрочем, и любого иного языка, необычайно сложен. Большой интерес для стилистики представляют функциональные разновидности языка, или функциональные стили общенародного языка. Существование функциональных стилей обусловлено тем, что одну и ту же мысль можно передать словами и написать, используя различные языковые средства. Изменение окраски выражения мысли существенно влияет на воспри-

ятие содержания и предопределяет разные формы реакции на услышанное или прочитанное. Различие между книжной и разговорной речью, как и многие другие различия подобного рода, легко осознаются говорящими. Однако их научное описание является очень сложной проблемой.

Ключевые слова: произношение; варианты произношения; стили произношения.

Проблема стилей произношения тесно связана с определением литературных норм английского языка и с культивированием Public School English. Многие лингвисты задаются вопросом: следует ли ориентироваться при определении норм литературного произношения на четкую, тщательную, медленную речь или же в основу определения орфоэпических норм надо класть повседневную разговорную практику? До конца XIX века господствовала первая точка зрения. Со времени эпохи Возрождения, когда считалось, что буква тождественна со звуком, и господствовал культ письма, полагали, что существуют лишь два вида произношения: правильное, опирающееся на письменный облик слова, и грубое, неграмотное произношение, быстрое и нечеткое. В 1531 году Т. Эллиот писал: «Воспитательницы знатных детей должны говорить на чистом, изысканном английском языке, четко артикулируя, не опуская никаких букв или слогов». В середине XVIII века эта точка зрения получила широкое распространение и популяризировалась С. Джонсоном, который в 1755 году констатировал: «Английский, как и любой другой живой язык, имеет два произношения: одно беглое и небрежное, а другое правильное и полное достоинства» [9, p. 87].

Таким образом, считалось бесспорным, что только медленное, четкое произношение, по возможности базирующееся на правописании, является литературной нормой. Однако XX век ознаменовался коренным пересмотром старых концепций в отношении основных вопросов языкознания и, в частности, стилей произношения. Ученые исследовали исторически происхождение и развитие языков, появилась новая наука – фонетика. Постепенно лингвисты окончательно порывают с мнением, что буква тож-

дественна звуку и начинают изучать объективно произношения, существующие в связной речи. Экспериментальные данные показали наличие многочисленных вариантов произношения отдельных фонем и их сочетаний в речи человека. Было обнаружено, что одно и то же слово может в зависимости от условий его реализации иметь целую гамму различных фонетических обликов в разнообразных фонетических контекстах. В соответствии с новыми фактами П. Пасси во Франции, В. Фиетор в Германии, Г. Свит и Д. Джоунз в Англии, Л.В. Щерба в России стали разрабатывать классификацию стилей произношения.

Так, Д. Джоунз в 1907 году различал три стиля: 1) при публичных выступлениях, 2) при чтении дома вслух, 3) при быстром разговоре. В 1949 году Д. Джоунз выделял уже пять стилей произношения: 1) быстрый, непринужденный, 2) более медленный разговорный стиль, 3) естественный стиль обращения к широкой аудитории, 4) искусственный театральный стиль, 5) искусственно усвоенный стиль при пении [7, р. 94]. Стремление фонетистов разработать адекватную классификацию наблюдается и в настоящее время. Дж. Уэллз считает продуктивным выделение специальных стилей чтения текстовых отрезков (Reading Passage Style – RPS) и чтения списка слов (Word-List Style – WLS) как промежуточных разновидностей между официальным (FS) и разговорным (Casual Style – CS) стилями [8, р. 26].

Разработав классификацию стилей произношения, английские фонетисты пришли к выводу (под влиянием основных лингвистических концепций XX века), что единственным стилем произношения, который подлежит практическому освоению, является быстрый разговорный стиль. Они считали, что он лишен «искусственности», присущей четкой, тщательной речи, и отражает традиционные нормы живого языка.

Фонетисты начали борьбу с преподаванием тщательного произношения, а проблема комплексного изучения разных стилей произношения была отодвинута на задний план и практически осталась не изученной. Кроме того, положенные в основу норм литературного произношения варианты оказались более или менее произвольно выхваченными из речевого потока и поэтому в значительной степени эмпирическими. Очень хорошо вскрыл недостатки нового подхода к литературному произношению

Р. Бриджес. Он показал, что английские фонетисты злоупотребляли своим положением, стремясь навязать обществу несуществующие произносительные нормы. Он полагал, что обучение только разговорному стилю равносильно отказу от всех других стилей. Бриджес считал, что только естественное, подсознательное владение всеми вариантами произношения может привести к полному владению языком. Эта характеристика подкреплялась другим сравнением: «Если распространить систему Д. Джоунза на обучение детей письму, придется сначала сравнить все небрежные и сделанные в спешке написания представителей буржуазного класса и вывести из них преобладающие варианты написания букв в дегеративном виде. Из этих написаний мы составим каллиграфию стиля «Б» и будем утверждать, что он является традиционным, естественным результатом действия непреложного закона, апробированного «всеобщим употреблением». Этому образцу мы не станем обучать наших детей. Более тщательную каллиграфию мы назовем стилем «А» и объявим его принадлежностью учителей чистописания, указав, что особенности этого стиля являются «изменениями, невольно возникшими в результате более медленного написания или стремления писать более четко» [4].

Хорошо объясняет причины, приведшие к указанным установкам, немецкий лингвист Гейслер: «Тщательная речь считается искусственной», – пишет он. Этот предрассудок вытекает из путаницы между «естественным» и «обычным». Современное языкознание недооценивает эту речь. Это вытекает из желания отказаться от прежнего пристрастия к ней. Из-за того, что прежние фонетисты не знали или не признавали разговорного языка, современные фонетисты стремятся сделать из него единственную правильную речь. Только обыденный разговор называется языком. Речь же оратора или поэта оказывается исключением. Естественной формой языка считают только массовую и повседневную речь, а более редкие и специальные виды речи объявляются произведениями искусства и, следовательно, искусственными [6, р. 191–192].

Как и в вопросе о влиянии правописания на произношение, фонетисты, стремясь отойти от неправильной концепции, что только медленная, тщательная речь является литературной,

сосредоточили свое внимание на разговорном стиле и объявили медленную, тщательную речь искусственной. Это нашло отражение в авторских комментариях, в предисловиях всех изданных в тот период орфоэпических словарей.

Для правильного понимания орфоэпии необходима тесная координация всех стилей произношения, но надо было теоретически обосновать их взаимосвязь.

Л.В. Щерба считал, что вне зависимости от того, как произносится в данный момент слово, говорящий и слушающий всегда имеют представление о его полном фонетическом облике. Наличие подобного представления и дает возможность в любой момент, при необходимости, произнести это слово четко, отчеканивая каждый слог. Случаи практического применения такого четкого произношения очень часты. Л.В. Щерба указывал, что каждое слово, как бы быстро оно ни произносилось, воспринимается не как усеченный комплекс, слышимый в данный момент, но как полное, четкое звучание, выявляемое при изолированном произношении этого слова или в медленной, тщательной речи [3, с. 341–342].

В другой работе, развивая свой взгляд на разные стили произношения, Л.В. Щерба писал: «Речь наша не всегда одинакова: она изменяется в зависимости от того, к кому мы обращаемся, в каких условиях мы говорим и с какой целью. Я буду иначе говорить с ребенком, чем со взрослым, иначе – обращаясь сразу к нескольким сотням лиц; одно дело делиться впечатлениями с товарищами, другое убеждать малознакомых людей в справедливости своих положений. Разные формы речи, приспособленные к разным целям и к разным социальным условиям, называют стилями речи.

Разные стили отличаются друг от друга не только лексически и синтаксически, но и фонетически» [2, с. 20–21].

Обучение языку Л.В. Щерба рекомендует начинать с полного стиля, в котором обнаруживаются такие фонетические свойства слова, которые в условиях обыкновенной речи так или иначе скрадываются.

Вот как изображает Л.В. Щерба то, что может произойти с человеком, которому известен лишь разговорный вариант произношения: «Представим себе, что ребенок никогда не слышал от-

четливого произношения слова «говорит», а слышал лишь формы /ger'it/ и /gr'it/, он легко может себе представить, на основании опыта со словом «мычит», что идеальная форма слова будет /gyr'it/, и если никто не поправит его соответственного отчетливого произношения, то он так и останется с «гырит» вместо «говорит», но если у него будет смутное воспоминание о «говорит», то сознание может колебаться, могут возникнуть две параллельные формы и т. п. Так, например, по-моему, у нас обе формы и «здравствуйте» и «здрасте» существуют в сознании, тогда как того же нельзя сказать про «говорит» и «грит», хотя это последнее зафиксировано даже в литературе; «грит» по крайней мере мной чувствуется как диалектизм» [2, с. 343].

Аналогично рассуждает Р. Чэпмен, исходя из фактов английского языка. «Язык избегает непонятности из-за насущной потребности быть понятным. Ораторы, учителя, торговцы и покупатели, деловые люди в шумных конторах и учреждениях всегда прибегают к отчетливой речи, когда замечают, что их не слышат. В многочисленных случаях гласные имеют полное звучание, которое показалось бы искусственным в обычной беседе. Вопрос “Что вы сказали: dee-scent или dis-sent?” не кажется смешным или странным. Хорошо сохраняются гласные при пении. И хотя слово *particular* может в обычной речи звучать как /patikyuule/, или /patikyele/, или даже /petikyuule/, мы с несомненным удовлетворением и полным осознанием приемлем полное звучание этого слова в песенке (“Did nothing in particular. And did it very well”)» [5, p. 33]. Полемизируя с Джоунзом, Чэпмэн указывает, что не четкое произношение является искусственным отходом от разговорного стиля, а, наоборот, небрежное произношение является изменением, несомненно, произвольным, того, что мы воспринимаем как правильный и «полный» звук.

Нельзя сомневаться в том, что все стили произношения представляют собой необходимые и взаимосвязанные компоненты процесса речевого общения, естественные в определенных условиях. Медленная, четкая речь, действительно, менее обычна, но это отнюдь не позволяет считать ее искусственной. Полный стиль произношения употребляется во многих случаях, когда разговорный стиль не может эффективно осуществлять функцию общения.

Владение полным стилем произношения позволяет легко схватывать различные усеченные формы слов, возникающие в быстром потоке речи. При употреблении разговорного стиля мы в любой момент, при первой необходимости можем воспроизвести слово в полном стиле, т. е. произнести его четко, «фонетически идеально».

Увлечение фонетистов разговорным стилем привело к тому, что хорошо изученными оказались лишь усеченные формы, которые имели широкое распространение в повседневной речи. О полном же стиле произношения можно было получить лишь отрывочные сведения, включенные в некоторые словари, в кратких высказываниях отдельных ученых.

В бесписьменных языках, бесспорно, существовали (и существуют) варианты произношения, допускающие разную степень сокращения слов. Однако с изобретением письма, появлением письменности, закреплением правописания и особенно после введения всеобщего обучения в сознании большинства людей появились прочные графико-фонетические ассоциации, которые легли в основу полного стиля произношения. Таким образом, к указанию Л.В. Щербы о том, что при любом фонетическом варианте слова мы представляем себе его в полном стиле, можно добавить, что у грамотных людей существуют не только слуховое (фонетическое), но и графико-фонетическое восприятие слова, лежащее в основе полного стиля произношения [1, с. 305–307].

Как будет показано ниже, мы рассмотрим наличие четких графико-фонетических соответствий и у носителей языка, и у билингвов.

Следовательно, написание является для культурных, грамотных членов общества обычным критерием полного стиля речи, и в процессе речевого общения грамотный человек подсознательно ощущает полный фонетический состав слова, основанный на графико-фонетических ассоциациях. В историческом плане полный стиль является изменяющейся по своей значимости категорией.

Грамотность, как известно, распространяется в социуме постепенно и дифференцированно: сначала в основном среди лиц, остро нуждающихся в ней по роду своих занятий, затем среди высших классов и лишь впоследствии среди трудящихся масс. В

связи с этим удельный вес полного стиля сильно возрастает на определенных этапах овладения грамотой и культурой отдельными социальными группами.

Для культурного, грамотного человека не существует сложности при переходе от одного стиля произношения к другому. Обычно он даже не осознает, что применяет разные стили и, исходя из существующих в его сознании графико-фонетических ассоциаций, думает, что употребляет полный стиль. С другой стороны, человек, приобщающийся к грамоте и культуре, сравнительно быстро осваивает большое количество незнакомых слов, беря многие из них из письменных источников, а следовательно, воспроизводя их в полном стиле.

Медленная и четкая речь особенно свойственна определенным историческим периодам, когда происходит массовый «сдвиг» в сторону овладения грамотой и культурой, как это было в Англии в XVIII и XIX веках с буржуазией и в XX веке с широкими трудящимися массами. В такие эпохи полный стиль речи приобретает особо важное значение. В XVIII веке наблюдается ярко выраженная тенденция узаконить полный стиль произношения как основной, и по той же причине эта проблема становится актуальной в наши дни.

Освоение новых слов без опоры на написание зачастую ведет к искажению их, приспособлению к уже известным словам. Этот процесс, известный под названием «народная этимология», приводит к появлению таких слов, как «спинжак», «полуклиника» и т. д. Пример английской речи, в которой очень часто встречаются подобные слова, дает в одном из своих романов У. Теккерей в образе Джеймса Плуша – лакея, разбогатевшего на спекуляции акциями железных дорог и сумевшего проникнуть в высший свет.

С другой стороны, на низшей ступени овладения грамотой многие люди тяготеют к буквенному произношению. Однако, как уже отмечалось, это произношение не закрепляется. Повидимому, после определенного этапа «болезни роста», у людей, приобщившихся к грамоте и культуре, создаются графико-фонетические ассоциации, правильно отражающие соотношение между произношением и правописанием в литературном языке. Большую роль при этом играет общение с людьми, уже владею-

щими литературными нормами, преподавателями, а также средства массовой информации.

Каждый стиль языка является более или менее устойчивой системой на данном этапе развития литературного языка. Стили языка – категория историческая. Это значит, что они изменяются, развиваются, появляются и исчезают. Так, например, особенности ораторской речи в английском литературном языке претерпели некоторые существенные изменения в процессе своего развития. Эти изменения обусловлены общими изменениями литературного английского языка в определенный период его развития; газетный стиль английского литературного языка возник путем обособления формы информационных сообщений из публицистического стиля и т. д.

Речевые стили выделяются как определенные системы в литературном языке прежде всего в связи с целью сообщения. Каждый речевой стиль имеет более или менее точную цель, которая предопределяет его функционирование и его языковые особенности. Так, для газетного стиля основной целью является информация, реклама; цель публицистического стиля – убеждение, призыв к действию, оценка фактов действительности; цель делового стиля – установить условия, ограничения и формы дальнейшего сотрудничества двух и более человек; целью стиля научной прозы является доказательство определенных положений, гипотез, аргументация и т. д.

Каждый речевой стиль имеет как общие, типические для данного стиля особенности, лежащие в основе выделения этого стиля в самостоятельный речевой стиль, так и частные формы его проявления. Соотношения общего и частного в речевых стилях проявляются по-разному в разные периоды развития этих стилей и внутри стилевой системы данного литературного языка. Так, например, деловые документы, дипломатические письма и ноты, приказы и инструкции, протоколы парламентских заседаний и проч. являются формами проявления и существования стиля деловых документов в английском литературном языке. Все они имеют то общее, что лежит в основе их выделения в самостоятельный речевой стиль. Однако каждая из этих разновидностей делового стиля имеет свои специфические черты, в которых проявляются как общие закономерности данного стиля, так и инди-

видуальные особенности, присущие лишь данному подстилю. Так, условные обозначения и сокращения военных документов отражают и общие закономерности делового стиля и черты, присущие лишь этому подстилю. То же можно сказать и о других средствах языка. Так, образность речи, характерная для стиля художественной речи и не характерная для стиля научной прозы, может своеобразно применяться в последней, не нарушая общих закономерностей этого стиля.

Соотношение общего и частного особенно выпукло выступает при анализе индивидуальной манеры пользования языком. С точки зрения проявления индивидуального в использовании языковых средств речевые стили английского литературного языка допускают значительную амплитуду колебаний. Такие стили речи, как, например, стиль официальных документов, стоят на грани почти безличного творчества. Индивидуальная манера выражения здесь почти полностью отсутствует.

Список использованной литературы

1. Вандриес Ж. Язык. М., 1935. С. 305–307.
2. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / под ред. Л.Р. Зиндера, М.И. Матусевич. Л.: Наука, 1974. 428 с.
3. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. 7-е изд. М.: Высш. шк., 1953. 309 с.
4. Bridges R. On English Homophones, SPE, Tract. 1919. № 2.
5. Chapman R.W. Lexicography. Oxford: Oxford Univ. Press, 1948. 34 p.
6. Geissler E. Erziehung zur. Hochsprache. Halle. Bd. I, 1925. Bd. II, 1934.
7. Jones D. The Pronunciation of English. Cambridge: The Cambridge Univ. Press, 1956. 223 p.
8. Wells J.C. Accents of English. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982. 673 p.
9. Johnson S. Dictionary of the English Language. London: J.&P. Knapton, 1775.

О. Н. Тарасова, Л. А. Наградова

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ СРЕДСТВ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ивановский государственный политехнический университет
e-mail: olesyatarasova@rambler.ru, linagra@mail.ru, k_inost@ivgpu.com

В статье представлены различные подходы отечественных и зарубежных учёных к классификации невербальных компонентов коммуникации (НВК), а также особенности каждого из этих компонентов. Рассматривается статус молчания как коммуникативной единицы.

Ключевые слова: невербальная коммуникация; невербальные компоненты коммуникации (НВК); жесты; молчание; мимические НВК; миремические НВК; тактильные НВК; фонационные НВК; респираторные НВК.

Невербальные компоненты коммуникации (НВК) уже достаточно долгое время вызывают интерес как у отечественных, так и у зарубежных учёных, которые по-разному подходят к их классификации.

Зарубежные исследователи традиционно выделяют следующие науки, каждая из которых занимается изучением определённого типа невербального поведения человека: проксемика, кинесика, окулесика, гаптика и паралингвистика [12]. Проксемика и кинесика являются наиболее важными областями науки, исследующими невербальное поведение коммуникантов. Под проксемикой понимается наука, изучающая пространство между участниками коммуникации. В фокусе внимания кинесики оказываются мимика и жесты человека. Окулесика занимается исследованием проблем, связанных с контактом глаз. Гаптика изучает различного рода прикосновения. Паралингвистика – наука, изучающая дополнительные к речи звуковые коды.

Одной из первых классификаций, предложенных отечественными исследователями, стала классификация НВК И.Н. Горелова, который считает, что по своей физической при-

роде НВК распадаются на три группы: а) фонационные, б) мико-жестовые и пантомимические, в) смешанные (т. е. включающие средства а) и б)). Учёный отмечает возможность классификации невербальных знаков по различным субстанционным критериям (характер движения, участие тех или иных частей тела или лица в этих движениях, силовые и тоновые характеристики фонаций и др.) [3].

Невербальная семиотика, по мнению Г.Е. Крейдлина, складывается из следующих частных наук: паралингвистики, кинесики, окулесики, аускультации, гаптики, гастики, ольфакции, проксемики, хронемики и системологии [7].

На наш взгляд, наиболее удобной и логичной представляется классификация, используемая В.В. Ганиной в её кандидатской диссертации [2], в соответствии с которой выделяются следующие виды НВК:

- жестовые (движения рук, ног и головы);
- мимические (выражения лица);
- фонационные (дополнительные к речи звуковые коды);
- миремические (визуальный контакт);
- тактильные (язык касаний);
- респираторные (элементы параязыка, в производстве которых активно участвует дыхательная система человека).

Кратко охарактеризуем каждый из указанных видов НВК.

Основным критерием для отделения жестов от физиологических движений человеческого тела является знаковый характер жеста, поэтому жест, как и любой знак, имеет означающее, означаемое, синтактику и прагматику. Способность жестов менять своё значение во времени и в пространстве является ещё одним критерием для отличия жестовых знаков от незнаковых физиологических движений, которые такой способностью не обладают в силу неконвенциональной связи между их формой и значением.

Жесты – это выразительные движения головой, рукой или кистью, которые совершаются с целью общения и могут сопровождать размышление или состояние человека.

Различают жесты произвольные и произвольные.

Произвольными жестами являются движения головы, рук или кистей, которые совершаются сознательно. Такие движения,

если они производятся часто, могут превратиться в произвольные жесты.

Непроизвольными жестами являются движения, совершаемые бессознательно. Часто их обозначают также, как рефлекторные движения. Этим жестам не нужно учиться. Как правило, они бывают врождёнными (оборонительный рефлекс) или приобретёнными [4]. Существует множество споров по поводу того, что возникло раньше – жесты или речь.

Следует отметить ещё одну особенность жестов – при устном общении жесты, в отличие от слов, воспринимаются по большей части глазами. Жесты по своей природе являются демонстративными, поэтому в акте коммуникации, помимо информативной, экспрессивной, выполняют и изобразительную функцию [8].

Жесты в коммуникативном акте могут: повторять или дублировать речевую информацию; противоречить речевому высказыванию и таким образом вводить адресата в заблуждение; выступать в качестве заместителя речевого высказывания; усиливать или подчёркивать какие-то компоненты речи; дополнять речевое высказывание в смысловом отношении; быть средством поддержания речи.

Жесты могут по-разному отражаться в вербальных формах, и один и тот же жест может быть представлен различными языковыми коррелятами, причём вариативность может быть синтаксической, стилистической, лексической. Поэтому адекватное владение невербальным языком включает в себя не только умение пользоваться его жестами как элементами невербального семиотического кода, но и знание всех номинаций каждого из жестов [8].

Особую важность представляют жесты, несущие информацию, которые противоречат вербальным факторам. В таких случаях человек обращает большее внимание на невербальное сопровождение, т. к. в нём даётся истинная информация.

Кроме того, в системе коммуникативных средств присутствуют жесты, главная цель которых – маскировать истинное состояние говорящего, это так называемые «жесты-маски» [11].

Под мимикой понимаются движения мускулатуры лица, и данный компонент невербальной коммуникации привлекал и

привлекает внимание большого количества как зарубежных, так и отечественных учёных [13, 17]. Мимику не следует путать с физиогномикой (наукой, с помощью которой по форме лица можно судить о психических свойствах человека).

Мимика связана с распространением интенсивного возбуждающего процесса на двигательную зону коры головного мозга – отсюда и её произвольный характер. Но, несмотря на это, люди могут контролировать свою мимику и управлять ею, используя следующие приёмы: 1) симуляция – человек показывает переживание им чувств, хотя их на самом деле нет; 2) интенсификация – человек делает вид, что испытывает более сильные эмоции, чем это есть на самом деле; 3) нейтрализация – человек не показывает, что испытывает какие-либо эмоции, хотя на самом деле их испытывает; 4) деинтенсификация – человек делает вид, что испытывает менее сильные чувства, чем это есть на самом деле; 5) маскировка – человек скрывает то чувство, которое испытывает на самом деле, делая вид, что испытывает другое чувство [14].

Также мимические движения подразделяются:

- на агрессивно-наступательные: гнев, злость, жестокость и др.;
- активно-оборонительные: отвращение, презрение, ненависть и др.;
- пассивно-оборонительные: покорность, приниженность и др.;
- мимику ориентировочно-исследовательской направленности;
- мимику удовольствия – неудовольствия;
- маскировочные выражения: мимику сокрытия истины, двусмысленности, нечестности и т.п.

Исследования показали, что, по крайней мере, 6 основных выражений лица являются врождёнными и передают одинаковое значение во всех культурах: счастье, грусть, страх, злость, отвращение и удивление [13].

Под фонационными средствами невербальной коммуникации мы понимаем тембр голоса, его силу, изменение высоты голоса и другие ритмико-интонационные явления речи.

В повседневной коммуникации с помощью актуально звучащего голоса происходит не просто передача смысла, но его

изображение. Благодаря свойствам голоса речь приобретает и этические, и эстетические характеристики. Голосовые особенности влияют на восприятие адресатом получаемой информации, являются мощным инструментом воздействия, убеждения, подавления [7].

Тон – это не свойство человека, тон – это свойство голоса, но не постоянный признак голоса как такового. Тон специфицирует своими признаками особенности актуально звучащего голоса. Тон речи регулирует актуальный диалог и связан с прагматикой речевой коммуникации. «Правильный тон» – это тон, соответствующий содержанию диалога, стилю и коммуникативным намерениям говорящего, а неверный тон приводит к полному провалу коммуникации [7].

В случаях, когда говорящий передаёт сообщение, в котором слова и тон находятся в противоречии друг с другом, а тон неубедительный, он практически не оказывает влияния на интерпретацию сообщения. Но убедительная голосовая игра заставляет адресата поверить именно тону, несмотря на все слова, произносимые говорящим.

Миремические средства невербальной коммуникации – это контакт глаз, который является важнейшей частью человеческого общения. Термин «миремический» мы используем вслед за Х. Шерером, который предложил называть миремой взгляд [18].

С психофизиологической точки зрения взгляд выполняет в коммуникативном акте главным образом функцию мониторинга, то есть представляет собой физиологическую реакцию на возникающую у говорящего потребность увеличить или уменьшить объем информации, поступающей к нему по ходу акта коммуникации. С помощью стереотипных моделей глазного поведения и их невербальных реализаций в коммуникативном акте передаются тысячи молчаливых сообщений [7].

Различные признаки взгляда, такие как длительность, интенсивность (сила), статичность/динамичность, находятся в сложных отношениях со многими кинетическими характеристиками. Сила взгляда обычно меняется в зависимости от величины расстояния между участниками коммуникации. Взгляд может меняться и в зависимости от содержания или темы ситуации, в отдельных социальных ситуациях [7].

Можно выделить основные коммуникативные функции глаз: 1) когнитивная – стремление передать/прочитать информацию; 2) эмотивная – выражение/считывание чувств; 3) контролирующая – проверка, понято ли сообщение; 4) регулятивная – требование вербально или невербально отреагировать на сообщение [7].

Тактильные НВК – это разного рода прикосновения. Существуют разнообразные виды тактильного общения и прикосновений, каждый из которых используется в различных ситуациях и для различных целей. Исходя из цели и характера прикосновения, можно выделить следующие функции касаний в коммуникативном акте: 1) выражение дружбы, заботы по отношению к адресату; 2) отражение интимного отношения к адресату; 3) установление контакта с адресатом; 4) отражение доминантного положения человека на некоторой социальной шкале.

Большее число и большая площадь касаний, а также инициатива в касании сопряжены непосредственно с такими значениями кинетических переменных, как более высокий статус, мужской пол, белая раса, большой возраст [7]. Взаимные касания, такие как мужские рукопожатия, могут в ряде случаев нивелировать различия в социальных статусах [15].

Респираторные НВК – это различные дополнительные «элементы параязыка, в производстве которых активно участвует дыхательная система человека» [2, с. 22].

Научные исследования в области лингвистики показали, что существует прямая зависимость между социальным статусом, властью, престижем человека и его словарным запасом. Другими словами, чем выше социальное или профессиональное положение человека, тем лучше его способность общаться на уровне слов и фраз. Наблюдения и исследования в области невербалики выявили зависимость между красноречивостью человека и степенью жестикуляции, используемой им для передачи смысла своих сообщений. В этой связи можно сделать вывод, что существует прямая зависимость между социальным положением человека и количеством жестов и телодвижений, которые он использует. Человек, находящийся на вершине социальной лестницы или профессиональной карьеры, может пользоваться богатством своего словарного запаса в процессе коммуникации, в то время как ме-

нее образованный или менее профессиональный человек будет чаще полагаться на жесты, а не на слова в процессе общения.

Следует отметить, что невербальные сигналы могут быть неконгруэнтными, т. е. несоответствующими высказыванию, и такие случаи представляют особый интерес для исследователей [16]. Исследования доказывают, что невербальные сигналы несут в пять раз больше информации, чем вербальные, в случае если сигналы неконгруэнтны, люди полагаются на невербальную информацию, предпочитая её словесной.

К коммуникативному поведению также относится молчание, которое выполняет определенную функцию в процессе общения. Молчание должно противопоставляться не говорению как таковому, а передаче информации речевым способом. Статус молчания как единицы коммуникации может быть определен с двух точек зрения: как нулевой речевой акт [1] и как знак [10]. Выделяют два типа молчания: коммуникативно-незначимое – молчание как физиологическое состояние человека [1] и коммуникативно-значимое – когда с его помощью передается информация от одного коммуниканта к другому и она расшифровывается на основе знания контекста, ситуации, при которых происходит процесс общения. Коммуникативно-значимое молчание может быть двух типов: молчание говорящего и молчание адресата [5]. Адресат может показывать заинтересованность в словах говорящего и прерывать интервалы молчания вербальными и невербальными вставками (кивками, взглядами), которые обеспечивают обратную связь между говорящим и адресатом. Такой тип молчания В.В. Богданов называет «молчанием адресата» или «молчанием слушания» [1].

Наступление молчания в конкретном коммуникативном акте часто свидетельствует не о простом неговорении или отсутствии коммуникации, а о переходе замолчавшего собеседника к другому семиотическому коду. При этом выразительные возможности молчания в сочетании с параязыковыми элементами и жестами не менее широки, чем при полном молчании [8].

Многие авторы, рассматривающие молчание с философских позиций, признают, что молчание – такая же неотъемлемая характеристика человека, как и речь, и неотделимо от него. Молчание ни в коем случае не является антитезой речи, оно укорене-

но в повседневной бытовой и социальной жизни, появляется всюду, где взаимодействуют люди; молчание – это знак человеческой коммуникации [9].

Молчание может выполнять несколько коммуникативных функций: контактную – свидетельствует о близости и взаимопонимании людей; дисконтактную – свидетельствует о негативном отношении людей друг к другу; эмотивную – передаёт эмоциональные состояния человека; информативную – свидетельствует о согласии/несогласии, одобрении/неодобрении и т. д.; стратегическую – свидетельствует о нежелании говорить, и при этом преследуются определённые цели; риторическую – привлекает внимание слушающего; оценочную – выражает оценку действиям. Таким образом, молчание является неотъемлемой частью коммуникации.

Н.Б. Корнилова, занимавшаяся исследованием молчания, пишет о том, что в повседневной жизни люди часто используют слова «молчание», «умолчание», «пауза», «тишина» в качестве синонимов, однако эти понятия с точки зрения семантики имеют различное содержание. Кроме того, молчание в некоторых случаях рассматривается и как нереализованная возможность говорящей речи – как потенция, как внутренняя речь. Феномен молчания связывается со спецификой культурных особенностей этноса [6].

Особый интерес исследователей вызывает выявление особенностей невербального поведения мужчин и женщин, сходств и различий.

Невербальное общение понимается как коммуникативное функционирование человеческого тела в пространстве и времени в поведенческом акте. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что элементы невербального общения, являясь неотъемлемой частью человеческих отношений, играют важную роль в коммуникативной деятельности. Умелое и грамотное использование средств невербальной коммуникации может значительно облегчить процесс общения и выразить многие человеческие чувства и настроения, вызвать доверие и расположение партнёра. С помощью разного рода невербальных компонентов коммуникации процесс человеческого общения может приобретать различный характер и протекать с различной эффективностью.

В заключение отметим, что не существует единого подхода к исследованию поведения людей в различных ситуациях общения и классификации невербальных компонентов коммуникации.

Список использованной литературы

1. Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л., 1990. 87 с.
2. Ганина В.В. Невербальные компоненты коммуникации, отражающие эмоциональные реакции человека: гендерный аспект (на материале англоязычных художественных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2005. 199 с.
3. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980. 112 с.
4. Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М., 1960. 431 с.
5. Карташкова Ф.И., Ваняцкая Е.А. Невербальные компоненты коммуникации в английском художественном тексте. Иваново, 2005. 152 с.
6. Корнилова Н.Б. Онтология молчания (на примере ранней прозы Леонида Андреева): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2002. 164 с.
7. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М., 2004. 584 с.
8. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика в её соотношении с вербальной: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 41 с.
9. Леонтьев А.А. Психология общения. М., 1997. 365 с.
10. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания произведения. М., 1986. 116 с.
11. Шелгунова Л.М. Взаимоотношение языковых и паралингвистических факторов в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // Филол. науки. М., 1978. № 3. С. 35–70.
12. Andersen P.A. Nonverbal communication: forms and functions. N.Y., 1998. 409 p.
13. Ekman P., Friesen W.V. Unmasking the Face. Engelwood Cliffs, 1975. 212 p.
14. Ekman P., Friesen W.V. The Facial Action Coding System. Palo Alto: CA, 1978. 221 p.

15. Hall J. A. Nonverbal Sex Differences: Communication, Accuracy and Expressive Styles. Cambridge, 1984. 224 p.

16. Krumhuber E., Kappas A. Moving Smiles: The Role of Dynamic Components for the Perception of the Genuineness of Smiles // Journal of Nonverbal Behaviour. Birmingham, 2005.

17. Pell M.D. Nonverbal Emotion Priming: Evidence from the Facial Affect Decision Task // Journal of Nonverbal Behaviour. 2005. № 4. P. 45–73.

18. Scherer K.R. Sprechenim Situativen Kontext. Tübingen, 1984. 210 p.

О. Н. Тарновская

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Ивановский государственный политехнический университет
e-mail: tarnusha@mail.ru, k_inost@ivgpu.com

В статье рассматриваются некоторые вопросы интенсивного обучения иностранным языкам в вузе как одного из условий развития и формирования творческой личности и организации процесса обучения иностранным языкам с точки зрения идеи гуманитаризации.

Ключевые слова: интенсификация процесса обучения; иноязычные коммуникативные компетенции; неязыковой вуз; интерактивная технология; интерактивные формы.

Гуманитаризация в широком смысле понимается как развитие личности. Развитие личности через обучение было одной из центральных задач, поставленных отечественными психологами и педагогами. Организация обучения, формирующего творческую личность, в том числе в процессе обучения иностранным языкам, при определенных условиях может рассматриваться и как условие, и как цель гуманитаризации.

Интенсивный курс обучения иностранным языкам является одним из ключевых условий организации процесса обучения

иностранным языкам с точки зрения идеи гуманитаризации. «Основными отличительными чертами интенсивного курса является обучение иностранным языкам в условиях и на материале чтения, понимаемого широко – как прием, переработка и применение информации при целенаправленном регулировании характера осмысления в процессе овладения всеми видами информации (языковой, структурной, содержательной), содержащихся в тексте» [1, с. 344].

Прием, переработка и применение информации из текста осуществляются с помощью действий извлечения информации. Психологическое содержание действия извлечения информации отражает перцептивное действие, являющееся трехчастным по своему составу. Перцептивное действие включает моторный, познавательный и логический компоненты. Следовательно, формируя это действие, можно обеспечить формирование структур, усвоение, глубину понимания извлекаемой информации.

Обеспечивая программу формирования перцептивного действия, мы, таким образом, обеспечиваем формирование всех компонентов процесса чтения. При этом само формирование перцептивного действия может осуществляться по программе, предусматривающей его операциональное усложнение. Операциональное усложнение действия предполагает усложнение мыслительных процессов, что делает действие интенсивным по характеру протекания.

Процессы приема, переработки и применения информации в зависимости от степени сформированности обеспечивают ту или иную глубину понимания как результата чтения, которая может быть условно определена уровнями: интерпретационным, лексико-грамматическим, композиционно-логическим.

В интенсивном курсе для формирования перцептивного действия и, соответственно, его результата в учебном процессе предусмотрена специальная серия упражнений, которая формирует технику, средства и способы процесса чтения в условиях приема, переработки и применения информации.

«К важнейшим принципам интенсивного обучения относят: принципы коллективного взаимодействия, личностно-ориентированного общения, ролевой организации учебно-воспитательного процесса, концентрирования организации учеб-

ного материала, полифункциональности упражнений, принцип мотивации, принцип осознанности. Реализация данных принципов, которые обеспечивают взаимосвязь учебного материала и учебной деятельности, развитие мотивации, активности и самостоятельности студентов, способствует современным интерактивным технологиям обучения» [3, с. 45].

«За последние годы достигнуты многообещающие результаты в практике интенсивного обучения иностранным языкам самого различного контингента учащихся. Интенсивные методы осмысливаются как оптимальная реализация некоторых прогрессивных тенденций в общей педагогике и психологии, в частности, в контексте проблем воспитывающей роли процессов обучения» [2, с. 277].

Для формирования лексических и грамматических средств, необходимых для приема и переработки извлекаемой смысловой информации текста, предлагается следующая программа перцептивных действий.

Перед прочтением текста учащимся ставится задача понять его смысловое содержание и в процессе чтения текста выполнить набор действий: подчеркнуть, выписать, выписать и расклассифицировать, выписать и трансформировать, выписать и произвести эквивалентную замену с усваиваемым грамматическим и лексическим материалом.

Названные действия представляют операциональное усложнение перцептивного действия, выполнение которого ведет к активизации процессов осмысления, а значит, к прочному освоению грамматического и лексического материала, с которым осуществляются данные действия. Проверяется понимание содержания устным и письменным рефератом. Качество выполнения действия свидетельствует об уровне усвоенности лексического или грамматического материала.

Для формирования способности поиска и извлечения информации с той или иной профессионально ориентированной целью рекомендуется серия упражнений, которая предлагает логическую последовательность извлечения и презентации информации, обусловленную определенным смысловым материалом.

«Система интенсивного обучения иностранному языку реализует задачу организации учебного процесса как условие фор-

мирования творческой личности, которая совершается при регламентированном овладении способами приема, переработки и применения безграничного по содержанию информационного потока» [4, с. 55].

Для целей игровых ситуаций информация, извлеченная из одного или нескольких текстов, предъявляется в формах доклада, реферата, сообщения для использования в устной или письменной форме, обращенной к условиям ситуации и реализующейся на начальных этапах средствами родного языка, а затем иностранного языка.

Для использования извлеченной информации в условиях обмена ею необходимо специальное формирование речевых моделей, обеспечивающих реализацию этой информации в соответствующих ситуациях.

Речевые модели вводятся с первого этапа обучения на материале родного и иностранного языков. Овладение этими моделями осуществляется вначале в условиях письменного текста, а затем и в устных ситуациях.

Упражнения нельзя резко ограничить решением задач того или иного этапа обучения. Все они носят обобщенный характер, каждое содержит компоненты повторения усвоенного и реализацию новых задач.

Общими положениями для предложенной системы обучения как условия формирования творческой личности являются следующие:

1. Любой материал усвоения, с которым осуществляются перцептивные действия в процессе их формирования, представляется в виде ориентировочной основы, а затем усваивается в результате выполнения операционально-усложняющихся действий, представляющих собой логику, динамику процесса усвоения.

2. Формирование перцептивных действий в разных условиях для решения различных учебных профессионально ориентированных задач осуществляется вначале средствами родного, а затем и изучаемого иностранного языка.

3. В организации интенсивного курса обучения иностранным языкам в техническом вузе интенсификация учебного процесса основывается на формировании активности субъекта деятельности через изменение (усложнение) её характера.

4. Последовательное усложнение активности моделируется для деятельности по извлечению информации в естественных условиях чтения неадаптированных специальных текстов.

«Внедрение интерактивных технологий – одно из важнейших направлений совершенствования подготовки студентов, в том числе и иноязычной, в современном вузе. В соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования третьего поколения осуществление учебного процесса предусматривает проведение интенсивного обучения в интерактивных формах, удельный вес которых определяется целью основной общеобразовательной программы и составляет не менее 30 % аудиторных занятий» [5, с. 24].

Цель интенсивного обучения направлена на повышение эффективности образовательного процесса не от теории к практике, а от формирования нового опыта к его теоретическому осмыслению через применение на практике.

Список использованной литературы

1. Бухбиндер В.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам. Киев: Высш. шк., 2008. 344 с.
2. Китайгородская Г.А. Интенсивное обучение иностранным языкам: теория и практика. М.: Высш. шк., 2009. 277 с.
3. Околелов О.П. Теория и практика интенсификации процесса обучения в вузе. М., 1998. 45 с.
4. Петренко М.А. Инновационные методы обучения иностранному языку // Мир науки и инноваций. М., 2015. Т. 6. № 2. С. 55.
5. Серостанова Н.Н. Интенсификация процесса обучения иностранному языку в неязыковом вузе посредством применения интерактивных технологий // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. С. 24.

М. В. Яблокова

К ВОПРОСУ О КОНВЕРСИИ В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: КОНВЕРСИЯ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ивановский государственный политехнический университет
e-mail: yablonyatree66@mail.ru, k_inost@ivgpu.com

Рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся истории возникновения конверсии в английском языке. Анализируются способы словообразования и формообразования в древнеанглийском языке.

Ключевые слова: конверсия; словообразование; деривация; аналогия; аффиксы; омонимия.

В начале ранненованглийского периода формы инфинитива целого ряда отыменных глаголов стали по внешнему виду тождественными с формами существительных, от которых эти глаголы были образованы, например: answer, work, walk, look, point, smell, love, hate. Так было положено начало явлению, которое стало обозначаться термином «конверсия».

Некоторые лингвисты считают возможным существование конверсии в более раннюю эпоху, т. е. еще в древнеанглийский период. Из них прежде всего следует назвать профессора А.И. Смирницкого. По его мнению, конверсия древнеанглийского языка отличалась от конверсии современного английского языка. «Одним из таких отличий является следующее: для древнеанглийской конверсии было характерно отсутствие омонимии, тогда как для конверсии в новонанглийском как раз типично наличие омонимичных форм, принадлежащих разным словам с общей основой» [3, с. 79]. Если признать, что в древнеанглийском языке была конверсия, то следует добавить, что она отличалась от конверсии современного английского языка не только отсутствием омонимии, но и наличием словообразовательного суффикса у инфинитива глагола. А.И. Смирницкий не видел в омонимии характерной особенности конверсионного способа словообразо-

вания. Он считал, что «общий принцип словообразования один и тот же и в современном *love – love* или *pencil – pencil*, и в древнеанглийском *lufu – lufian*, *hearpe – hearpian*; в обоих случаях слова различаются только своими парадигмами. Что же касается омонимии, то она сближает (конечно, только по звучанию) некоторые формы слов, соотносящихся по конверсии, но не различает их» [3, с. 80].

Но конверсия предполагает прежде всего омонимию исходного и производного слов. О конверсии «в подлинном смысле слова мы можем говорить только тогда, когда наблюдаем полное морфологическое тождество инфинитива глагола и общего падежа единственного числа существительного. Все остальные грамматические формы глагола и существительного служат лишь проявлением и свидетельством совершившейся словообразовательной перестройки звукового комплекса» [1, с. 84].

Ученые, допускающие действие конверсии в древнеанглийском языке, ставят знак равенства между фактом конверсии и омонимией глагола и существительного, приводя в качестве примеров конверсии случаи формального тождества, которое создалось в результате фонетического совпадения слов. Так, например, тождество сущ. и гл. *bar* представляет собой не продукт конверсионного образования, а результат исторически сложившегося совпадения ранее морфологически различавшихся слов.

Профессор И.В. Арнольд отмечает, что “*prof A.I. Smirnitsky is of the opinion that on a synchronic level there is no difference in correlation between words originally differentiated by affixes and later becoming homonymous after the loss of ending (sleep v – sleep n) and those formed by conversion (pencil n – pencil v).* He argues that to separate these cases would mean substituting the description of the present state of things by the description of its sources. He is quite right in pointing out the identity of both cases considered synchronically. His mistake lies in the wish to call both cases conversion, which is illogical if this scholar accepts the definition of conversion as a word-building process which implies the diachronic methods of analysis.

Conversion is a type of word-building – not a pattern of structural relationship. On the other hand, this latter is of paramount importance and interest. Synchronically both types *sleep n – sleep v* and *pencil n – pencil v* must be treated together as cases of patterned ho-

monymy. But it is essential to differentiate the cases of conversion and treat them separately when the study is diachronic” [2, p. 156].

Освещая проблему парадигмы в языке аналитического строя, профессор В.Н. Ярцева отмечает, что сильно развитая межпарадигматическая омонимия как результат часто наблюдаемого звукового равенства корня, основы и даже формы слова является одной из характерных черт современного английского языка, что и послужило одним из оснований для развития в новоанглийском языке морфолого-синтаксического способа образования частей речи, получившего в лингвистической литературе наименование «конверсия». Звуковое равенство исходных форм существительного (прилагательного, наречия) и глагола, глагола и существительного является необходимым условием конверсии как способа словообразования [5].

Совершенно прав М. Бизе, предлагающий вообще не употреблять термин «конверсия» для древнеанглийского языка, а относить процесс образования слов по конверсии лишь к началу XIII века и последующим столетиям, когда стали появляться омонимичные пары исходных форм слов различных частей речи [7, p. 19]. Данную концепцию разделяет и Д. Ли, который трактует случаи образования глаголов и существительных без словообразовательных аффиксов как конверсии впервые лишь после 1200 года. Д. Ли отмечает, что в древнеанглийском языке существовал целый ряд слабых глаголов, образованных от основ существительных и прилагательных, например, *lufian* от *lufu*, *blostmian* от *blostm*, которые проще всего было бы отнести к деривации, полагая, что суф. *-ian* является, очевидно, словообразовательным элементом. Однако *-ian* – суффикс инфинитива, формы, которая представляет собой часть системы флексий языка и входит в парадигму глагола, поэтому он скорее формообразующий, чем словообразовательный суффикс. Подобное рассуждение, говорит Д. Ли, позволило бы назвать такие древнеанглийские глаголы, как *lufian* и *blostmian*, примерами функционального изменения, т. е. конверсии.

Этот взгляд подтверждается и тем фактом, что в современном английском языке производное слово сохраняет словообразовательный суффикс во всех его словоформах: например, суф. *-ate* прослеживается в *regulate*, *regulates*, *regulat(e)ing*, *regulated*,

тогда как в древнеанглийском языке у слабых глаголов такого явления не наблюдалось, т. е. в словоформах *lufie, lufast, lufa, lufia, lufode, lufodon* и т. п. суф. *-ian* отсутствует. Однако это рассуждение неверно, так как только суф. *-an-* является формообразующим суффиксом. Известно, что прагерманский суф. *-oj-* сохраняется во всех формах глагола, хотя иногда появляется как *-i-*, как *-a-*, как *-o-*. Отсюда видно, делает вывод Д. Ли, что в образованиях типа *lufian* имеем дело не с простым формообразующим суффиксом, а со словообразовательным, а вернее всего, с его остатками [12].

Сторонники древнеанглийской конверсии основным доводом своей теории считают тот факт, что в древнеанглийском языке при спряжении глаголов суф. *-ian* не входил в состав глагольной основы, на что указывает и Д. Ли. Попробуем взглянуть на этот факт с другой стороны. С древнеанглийского периода до наших дней дошло много отыменных глаголов, сохранивших суф. *-ian* в форме *-en*. Например:

gladian (совп. to gladden) – ‘to be glad, to make glad’;

hiertan (совп. to hearten) – ‘to encourage, to animate’;

hwitan, hwitian (совп. to whiten) – ‘to become white’;

deafian (совп. to deafen) – ‘to become deaf’;

wyrsian, wircian (совп. to worsen) – ‘to get worse’;

stifian (совп. to stiffen) – ‘to become stiff’;

scortian (совп. to shorten) – ‘to get short’.

Если бы они были образованы в древнеанглийском языке не суффиксальным способом, а по конверсии, то вряд ли донесли бы до наших дней суф. *-ian* (в форме *-en*). Если рассматривать эти глаголы как суффиксальные образования, то возникает вопрос, почему они в древнеанглийском при спряжении не сохраняли в своих основах суф. *-ian*. Сравнив д.а. глагольные формы *lyhte* (‘shines’), *harda* (‘hardens’), *ripion* (‘ripen’), *beorhtiga* (‘brighten’), можно сделать вывод, что суф. *-ian* не входил в глагольную основу древнеанглийских глаголов, хотя все они в инфинитиве сохранили его до наших дней. Следовательно, это не должно рассматриваться как аргумент для отнесения суф. *-ian* к формообразующим аффиксам, а образования типа *gladian, fattian* и т. п. к конверсии.

На основании изложенного выше можно сделать вывод, что в древнеанглийском языке конверсии как таковой ещё не было;

для образования глаголов от именных основ употреблялся суффикс -ian, который в то время нес двойную нагрузку: словообразовательную (производил новый глагол) и формообразующую (создавал неопределённую форму глагола – инфинитив).

Список использованной литературы

1. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1986. (на англ. яз.).
3. Смирницкий А.И. Лексикология современного английского языка. М., 1956.
4. Яблокова М.В. Конверсия как активный способ словообразования в современном английском языке // Ярославский пед. вестн. Гуманитарные науки. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. № 1. Т. 1. С. 197–201.
5. Ярцева В.Н. Проблема парадигмы в языке аналитического строя // Вопросы германского языкознания. М.; Л., 1961. С. 229.
6. Bauer L. English word-formation. Cambridge, 2002.
7. Biese Y.M. The origin and development of conversion in English. Helsinki, 1941.
8. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge, 1995.
9. Jespersen O. A modern English grammar on historical principles. London; Copenhagen, 1954.
10. Konkol E. Die Konversion im Fruhneuenglischen in der Zeit von etwa 1580 bis 1600. Koln, 1960.
11. Lee D.W. Functional change in early English. Manasha; Wisconsin, 1948.
12. Marchand H. The categories and types of present-day English. Wiesbaden, 1960.

А. А. Абызов

**ПОЭТИКА «УЖАСНОГО»
В РОМАНЕ М.Г. ЛЬЮИСА «МОНАХ»**

Ивановский государственный политехнический университет
e-mail: axxel68@mail.ru, k_inost@ivgpu.com

Рассматривается ключевое произведение готического жанра «Монах» М.Г. Льюиса, открывающее серию так называемых романов horror (ужаса), отличающееся от произведений предшественников (Г. Уолпола, А. Радклиф и др.). Поэтика «ужасного» в романе М.Г. Льюиса проступает в явной (нарочитый натурализм в описании) и в завуалированной (параллелизм с кровавыми событиями Французской революции) формах.

Ключевые слова: предромантизм; готический роман; ужас/страх.

«Монах» (*The Monk*, 1796) Мэтью Грегори Льюиса (Matthew Gregory Lewis, 1775–1818) стал значительным событием своего времени: его появление знаменовало собой новую ступень в развитии готического жанра в целом, поскольку во всех предшествующих «Монаху» готических романах «нет еще того кроваво-барочного ужаса жизни, той универсальности зла, которыми проникнуто творчество М.Г. Льюиса» [6, с. 10]. В чем же состояло новаторство английского предромантика?

На протяжении всего XVIII столетия шло активное переосмысление традиционных в искусстве и литературе эстетических ценностей, вытеснение и замена одних терминов другими, менялись как коннотации, так и объем понятий (*прекрасное vs. возвышенное, античное vs. готическое, novel vs. romance* и др.). В далеком прошлом и в идеальном, по их мнению, средневековые художники искали подтверждение своим мыслям и идеям, ограничиваясь при этом «областью эстетических споров и творческих попыток расширить сферу искусства, опираясь на возрождение национальной старины» [7, с. 565]. Исследованию подвергались самые древние и сильные человеческие чувства, в первую очередь страх перед неведомым и непостижимым сверхъестественным ужасом окружающего мира.

К концу XVIII века подобные «штудии» способствовали постепенному утверждению и закреплению данных эстетических категорий и в художественной литературе. «Ужасное» теперь становится эстетически притягательным и ключевым понятием (прежде всего в готическом жанре). Разработкой указанной категории занимались как эстетики – Эдмунд Бёрк (Edmund Birk, 1729–1797), так и собственно писатели-предромантики – Гораций Уолпол (Horace Walpole, 1717–1797), Анна Радклиф (Ann Radcliffe, 1764–1823).

Так, Эдмунд Бёрк постулировал эстетическую ценность одного из самых сильных, по его утверждению, «аффектов» – «восторженного ужаса», окрашиваемого страхом и не несущего реальной угрозы окружающим. Непременным объектом такого «восторженного ужаса», по мысли Э. Бёрка, является «возвышенное» [3, с. 159].

На имманентность «ужасного» в области художественного творчества указывал Гораций Уолпол. В предисловии к первому

изданию канонического готического романа «Замок Отранто» (*The Castle of Otranto*, 1764) Г. Уолпол писал: «Ужас – главное орудие автора – ни на мгновение не дает рассказу стать вялым; притом ужасу так часто противопоставляется сострадание, что душу читателя непременно захватывает то одно, то другое из этих могучих чувств» [9, с. 8].

Дальнейшее развитие идеи «ужасного» в литературе принадлежит Анне Радклиф. В эссе «О сверхъестественном в поэзии», вышедшем посмертно в 1826 году, писательница выделяет две ипостаси «ужасного» – *terror* и *horror*. Если первый – «ужас» (страх) – порождение напряженной атмосферы ожидания, предчувствие «ужасного», то второй – это «ужас» (отвращение), связанный с созерцанием страшных и отвратительных физических предметов. Иными словами, следствием *terror* служит своеобразный катарсис, а *horror* – шок. Именно в творчестве М.Г. Льюиса нашел полное воплощение «ужас»-*horror*.

Несмотря на неутраченные споры относительно идейной направленности, замысла романа, за «Монахом» с самого начала закрепилась слава скандального произведения. Десятилетнего писателя обвиняли в излишней сенсационности, эротизме, доходившем порой до порнографии, религиозном кощунстве и т. д., хотя первые отклики критиков были благоприятны («искусный рассказ», «живость воображения писателя», «достойный особого внимания характер Амброзио, постепенно уступающего искушению» и др. [5, с. 153]). Первых читателей романа «Монах» поразила полемическая заостренность произведения против всех предшествующих романов данного жанра, в первую очередь Анны Радклиф, в которых отсутствовали сцены насилия [11, р. 209]. Так, сочетая в себе сатанизм и необъяснимые сверхъестественные манифестации, сексуальные, садистские элементы и инцест, «Монах» закрепился в общественном сознании как *locus classicus* романа «ужаса»-*horror*, а не «ужаса»-*terror* его предшественников.

М.Г. Льюис сознательно отказался от едва уловимого ужаса-страха, преувеличенного ощущения напряжения, непонятной тревоги, рационального объяснения всего сверхъестественного, прощения и пощады грешникам и страждущим, столь характерных для романов Анны Рэдклифф. Целью английского предромантика, наоборот, стало достижение новых, доселе не виданных

высот манифестации ужасного и отвратительного в готическом романе. Художественный инвентарь М.Г. Льюиса включал: явление призрака окровавленной монахини, а также Вечного Жида – Агасфера, разложившийся труп младенца, жестокое матерубийство, блудодейство и изнасилование в монастырских подземельях, тошнотворные склепы и ряд других событий, приведших к незабываемой картине гибели отчаявшегося монаха Амброзио в лапах павшего ангела Люцифера. Все эти явления не могли не вызывать рвотную реакцию у современников автора [11, p. 209].

По традиции с именем М.Г. Льюиса связывается начало так называемой френетической, или иначе, неистой готики. Своеобразным предвосхищением френетического в «Монахе» можно считать прежде всего готическую ориенталистскую сказку «Ватек» (*Vathek*, 1786) Уильяма Бекфорда (William Beckford) [14, p. 132]. Ватек в литературной готике стал прообразом типичного, «испытывающего муки палача; одиночки в метафизическом смысле слова; маньяка, упивающегося своими пороками» [12, p. 165]. В меньшей степени на «неистовый» гений Льюиса повлияли философский роман Уильяма Годвина (William Godwin) «Вещи как они есть, или приключения Калеба Уильямса» (*Things as They Are, or The Adventures of Caleb Williams*, 1794) и малоизвестная, анонимно изданная повесть «Пещера смерти» (*The Cavern of Death*, 1794), ставшая «квинтэссенцией готического жанра, поскольку это произведение аккумулировало все черты художественной “готики”» [1, с. 202]. В романе У. Годвина *horror* (ужас) был следствием людского деспотизма, персонификацией неумолимого и злого рока – символа и источника нескончаемого кошмара. В «Пещере смерти» «ужасное» получило воплощение в чисто умозрительном плане: во сне протагониста сэра Альберта. Данный сон стал едва ли не репликой сна дона Лоренцо в романе «Монах».

Поэтика «ужасного» в романе М.Г. Льюиса проступает как в явной, так и завуалированной форме. Не вызывает сомнений антиклерикальная направленность произведения английского предромантика, изобличение лицемерия иерархов католической церкви и злодеяний, творящихся за глухими стенами монастырей. В этом Льюис показал себя истинным знатоком, несмотря на то, что последний монастырь в Англии был разрушен еще в эпоху

Реформации – в начале XVI века. Любопытно отметить, что основным топосом для свершения романых злодеяний служат мрачные помещения монастыря капуцинов в Мадриде, аббатства Сен-Клер, наконец, замкнутое пространство подземелий и склепов все тех же монастыря и аббатства. Видимо, на эту общую черту готических романов (М.Г. Льюиса в частности) указывал Н.Я. Берковский, когда писал: «...в страшном романе, который именовался также и готическим, и черным... страшный мир по страшному устроенный, неодолимый в своей бесчеловечности, лежащий во зле... Страшный мир страшен тем, что он окончательно сложился, не обещая движения, перемен» [4, с. 160–163].

На замкнутый характер романного действия указывает и рамочная композиция произведения, объединяющая три параллельно развивающиеся сюжетные линии (история падения монаха Амброзио, полное мелодраматизма повествование о любви Агнес де Медина и маркиза де Лас Систернас, трагическая история любви Лоренцо де Медина и Антонии). Эти истории объединяются не только общностью героев, но и присутствием Амброзио – главного злодея (личности весьма противоречивой и неоднозначной) в кульминационных точках романа. «Ужасны» злодеяния бессердечного и лицемерного монаха Амброзио (нарушение монашеских обетов, связь с суккубом, принявшим облик соблазнительной Матильды, жестокое осуждение на страшные мучения невинной монахини, матереубийство, инцест, убийство сестры, наконец, добровольное предание в руки Сатаны). Непомерная гордыня становится символом падения и дьявольского искушения аббата капуцинского монастыря в Мадриде. И Амброзио, и жестокосердную настоятельницу монастыря Сен-Клер ждет «ужасная», выдержанная в натуралистических красках, расплата – гибель в лапах врага рода человеческого (Амброзио), мучительная смерть от разъяренной толпы (настоятельница Сен-Клер).

«Ужасные» и таинственные силы преследуют и добродетельных героев романа (страшные родовые муки и последующее одиночество Агнес в смрадных подземельях аббатства среди разлагающихся трупов, полная жестокости сцена изнасилования и убийства добродетельной Антонии). Казалось бы, автор упивается откровенной эротикой, сценами насилия и эстетизацией зла, более того, «...вкус к ужасному принял у Льюиса специфическую

форму: Безглазая словно гипнотизировала его взором пустых орбит... Убийства, привидения, кровь, смерть мнимая и подлинная, усыпальницы, разложение брэнной плоти – не эпизоды, но суть, художественная ткань «Монаха» [8, с. 12]. Симбиотически связаны с основным повествованием и поэтические вставки в романе (стихотворения, баллады, песни), запечатлевшие леденящие моменты замогильных и потусторонних манифестаций (Алонзо Прекрасный и Краса Имоген и др.).

Словно в калейдоскопе следуют друг за другом ужасные сцены, причем каждая последующая чудовищнее предыдущей, достигая незабываемой по силе кульминации в заключительной главе романа. При этом подобное нарочитое авторское нагнетание «ужасного» неслучайно. Дело в том, что художественное в «Монахе» зеркально отражало реальные события того времени, а именно, кровавый революционный террор во Франции.

На параллелизм художественного и реального насилия указывали и современники Льюиса. Так, по словам маркиза де Сада [13, р. 243], литературная готика стала прямым откликом на прокатившиеся по всей Европе революционные волнения и, казалось, не уступала по изощренности и нагромождению «ужасно-кровавого» реально творимым злодеяниям в республиканской Франции. И здесь де Сад вторил утверждению Э. Бёрка о потенциальном зле, таящемся в настоящем [10, р. 47]. Известно, что последствия Французской революции вскрыли слабые стороны и противоречия рационализма Просветителей, теория «естественного» человека которых не оправдалась жизненной практикой. Поэтому разумный эгоизм и рациональный индивидуализм литературного героя сменяют порочные страсти, разгул, преступления, поставленные на пути человека случаев.

Этими противоречиями не преминули воспользоваться предромантики, получив богатый материал для художественного отражения. Именно в «Монахе» Льюиса можно видеть первую попытку переосмысления просветительской концепции человека, которую подхватят и завершат романтики.

На примере монаха Амброзио Льюис впервые продемонстрировал внутренне разорванную, по-своему байроническую, личность, словом, типично романтического героя. «В его душе трагические борения уживаются с лицемерием, возвышенная лю-

бовь с гнусной похотью, вера – с идолопоклонством, отвага – с трусостью» [8, с. 11]. За картинами личностного распада в условиях религиозного подавления и тотального обскурантизма в романе четко просматриваются катастрофические последствия революционного террора.

В таких же религиозных оковах оказывается и весь Мадрид с его жителями (в романе есть ряд косвенных указаний на время действия – период наибольших зверств инквизиции в правление короля Филиппа II), так внутреннее смыкается с внешним на художественном уровне. И Амброзио, и Мадрид, как два символа и воплощения религиозного невежества и мракобесия, одержимы тысячей долго сдерживаемых противоречивых чувств, требующих незамедлительного выхода, реализуясь, с одной стороны, у Амброзио в удовлетворении его плотских страстей, а с другой – в бунте разъяренной толпы в сцене кровавой расправы над преступной настоятельницей монастыря Сен-Клер, поразительно сходной с описанием жестокой казни одной из роялисток – принцессы де Ламбаль во время сентябрьской резни в Париже 1792 года. И здесь Льюис в равной степени осуждает и жестокую толпу, и иерархов католической церкви, подразумевая идеологов и вождей Французской революции, и взбунтовавшийся народ.

Любопытно отметить, что в романтизме и постромантизме эстетика «ужасного» претерпевает существенные изменения, поскольку в центре повествования теперь находится проблема взаимоотношения личности с окружающим её миром. Так, романтический мистицизм во многом определяло то, что поведение человека в романах «ужаса» мотивировалось его субъективным отношением к событиям, определялось эгоистическими побуждениями героя, а характер проявлялся в основном неразрешимом конфликте с окружающим враждебным миром.

Постромантизм унаследовал романтические мотивы, в том числе и мотив «ужаса» и «смерти», но адаптировал его к своим требованиям. Например, немецкий бидермайер использует пограничные ситуации для «раскрытия внутреннего “я” личности и концентрирует внимание на особенностях психологии индивида...» [2, с. 195].

Таким образом, из-под пера юного М.Г. Льюиса вышло весьма оригинальное и во многом новаторское произведение,

давшее начало целой серии произведений жанра *horror*. Многочисленные последователи (Шарлотта Дакр, Эдвард Монтагю, Уильям Генри Айленд, миссис Карвер, миссис Йорк и др.) таланта М.Г. Льюиса, пытаясь превзойти своего «учителя», вносили новые мотивы в повествовательную ткань своих произведений. Свидетельство тому – необычайная популярность современного жанра «романа ужасов», генетически восходящего к «Монаху» М.Г. Льюиса.

Список использованной литературы

1. Абызов А.А. О принципе историзма как жанрообразующем элементе в готической повести «Пещера смерти» // *Художественное слово в пространстве культуры: интертекстуальность в контексте исследований зарубежной литературы* / отв. ред.: Ю.Л. Цветков, А.Н. Таганов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. С. 200–302.

2. Барышева Т.Г. Ранняя проза Артура Шницлера в контексте австрийской новеллистики. Иваново: ИГАСУ, 2008. 216 с.

3. Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М.: Искусство, 1979. 237 с.

4. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л.: Худож. лит., 1973. 568 с.

5. Вацуρο В.Э. Готический роман в России. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 544 с.

6. Ладыгин М.Б. К вопросу о путях развития «готического» романа в первой половине XIX в. («Монах» М.Г. Льюиса и «Эликсиры сатаны» Э.Т. Гофмана) // *Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе: сб. науч. тр. М., 1980. Вып. 5. С. 53–70.*

7. Жирмунский В.М. Предромантизм // *История английской литературы. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1945. Т. I. Вып. 2. С. 564–588.*

8. Скороденко В. Монах Льюис и его роман // *Льюис М.Г. Монах. М.: Ладомир, 1993. С. 5–14.*

9. Уолпол Г. Замок Отранто. Готическая повесть // *Фантастические повести / Г. Уолпол, Ж. Казот, У. Бекфорд. Л., 1967. С. 7–103.*

10. Davison C.M. History of the Gothic. Gothic Literature 1764–1824. Cardiff: University of Wales Press, 2009. 368 p.

11. Frank F.S. The First Gothics. A Critical Guide to the English Gothic Novel. N.Y.; L.: Garland Publishing Inc., 1987. 496 p.

12. Frank F.S. The Gothic Vathek: The Problem of Genre Resolved // Vathek and the Escape from Time: Bicentenary Revaluations / K.W. Graham (ed.). N.Y.: AMS Press, 1990. P. 157–172.

13. Marquis De Sade. Reflections on the Novel // One Hundred and Twenty Days of Sodom / A. Wainhouse, R. Seaver (trans.). L.: Arrow Books, 1989. P. 91–116.

14. Varma D.P. The Gothic Flame, Being a History of the Gothic Novel in England: Its Origins, Efflorescence, Disintegration, and Residuary Influences. L.: Scarecrow Press / Russell & Russell, 1957. 264 p.

Т. Г. Барышева

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЭТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МОДАЛЬНОСТИ В НОВЕЛЛЕ СТЕФАНА ЦВЕЙГА «УЛИЦА В ЛУННОМ СВЕТЕ»

Ивановский государственный политехнический университет
tanja-bur@mail.ru, k_inost@ivgpu.com

Анализируется новелла С. Цвейга «Улица в лунном свете» с точки зрения поэтики художественной модальности. Характерными признаками являются субъективизм, психологизм, эмоциональное напряжение и разомкнутость сюжетных рамок произведения. Смена окружающего пространства зачастую является декорацией к внутреннему мировосприятию героя. Реальность получает личностную эмоциональную окраску.

Ключевые слова: новелла; внутренний мир; субъективизм; эмоциональное напряжение; нестабильность; повествовательный акцент; художественная модальность; психологическая интроспекция.

Австрийская литература конца XIX – начала XX веков – явление уникальное, тесно связанное с субъективным мировосприятием реальности отдельным человеком. Художественные произведения того времени не могли не отразить нестабильность общественно-политической ситуации в стране и в Европе в целом.

Наряду с реализмом в Австрии стремительно развивались такие художественные течения, как неоромантизм, импрессионизм, символизм. Их наиболее яркие представители пытались найти новое выражение своих духовных и эстетических потребностей, преодолевая стереотипы и общепринятые истины.

Талантливого новеллиста Стефана Цвейга (1881–1942) некоторые литературоведы справедливо относят «к сторонникам психологического направления реализма. Для него и многих его современников изображение человека означало, прежде всего, показ его внутреннего мира, нередко в ущерб отображению окружающей среды, формирующей этот мир. Вместе с тем движение литературы в направлении от описания нравов, биографии, карьеры к детальному воспроизведению внутренней жизни было новым достижением в познании психологии человека» [3]. Все эти признаки, в частности, присущи и литературе художественной модальности.

В центре повествования в новелле «Улица в лунном свете» (1911) находится только один вечер из жизни рассказчика: «Пароход, задержанный бурей, только поздно вечером бросил якорь в маленькой французской гавани; ночной поезд в Германию уже ушел. Предстояло, таким образом, провести лишний день в незнакомом месте...» [5, с. 160].

Из этой достаточно будничной ситуации начинается дальнейшее развитие сюжета, в котором преобладают психологические интроспекции и субъективная точка зрения рассказчика. Пространственно-временные рамки новеллы носят четкие очертания – все основные события проходят в течение одного вечера в публичном доме и на улочках портового городка, однако центральное место занимают субъективное восприятие и оценка его рассказчиком.

Повествование начинается неспешно и как-то буднично: рассказчик отправляется гулять по незнакомому городу, чтобы

хоть как-то разнообразить время до поезда, на котором ему предстояло отправиться к себе на родину. Но праздно шатающаяся публика и яркий свет фонарей вскоре стали вызывать у него раздражение, так как во время плавания он много времени провел в одиночестве под звездным небом на палубе корабля. Пытаясь уйти от «равнодушной, по провинциальному разодетой толпы» [5, с. 160], он поворачивает несколько раз в боковые улочки и оказывается в матросском квартале недалеко от гавани.

Смена внешних декораций мгновенно вызывает у рассказчика смену настроения. Теперь ему кажется, что за каждой неплотно прикрытой дверью, за лицемерно приспущенными ставнями скрывается другая, совсем другая жизнь: «...нет у меня ни цели, ни дела, ни связи с этой темной жизнью, и все же я ощущаю её с такой же полнотой, как кровь в своих жилах. <...> ничто здесь не происходит ради меня, и тем не менее все принадлежит мне...» [5, с. 162].

Личность рассказчика перестает быть монологическим единством, как это свойственно поэтике художественной модальности. Из скучающего добропорядочного бюргера он превращается в жадного исследователя людских судеб и пороков. Происходит смещение повествовательных акцентов: объектами пристального внимания становятся супружеская пара и их странная судьба. Как справедливо отмечает литературовед Е.А. Леонова, практически для всех новелл Стефана Цвейга характерен такой прием, как «...неожиданно обрушить на читателя груз невыносимых душевных страданий, вовлечь его в мир сильных чувств и драматических столкновений, затаенных переживаний, показать своих героев, женщин и мужчин, молодых и зрелых, без привычных “масок”» [4].

Женщина сбегает от жадного, по её мнению, мужа и оказывается в одном из публичных домов французского портового города. Когда рассказчик видит её впервые, это равнодушный человек, «...смертельно усталый, продолжающий жить только по привычке, ничего не чувствующий» [5, с. 164].

Радикальное изменение происходит только при встрече с мужем: женщина мгновенно превращается в злобную фурию, подчинившую свою жизнь единственному желанию – причинить

боль близкому когда-то человеку. Эти два состояния души по очереди доминируют в образе падшей женщины, не позволяя читателям постичь подлинный внутренний мир героини.

Более интересен образ мужчины. Именно ему отведена роль истолкователя всех поступков: не только собственных, но и жены. Если при первой встрече это всего лишь призрачный силуэт, то постепенно образ прорисовывается все отчетливее, приобретая не только внешние очертания, но и внутреннее наполнение. Автор мастерски, буквально несколькими штрихами, рисует не просто мужа-страдальца, но и одновременно скряги, деспота и готового пойти на преступление убийцы. Смена масок происходит практически мгновенно: «Невольно я взглянул на него, и вдруг он перестал казаться мне смешным...» [5, с. 170].

Изменчивость и нестабильность психологического состояния персонажа подчеркивается постоянной сменой окружающих реалий.

В начале разговора с главным героем внешний мир отображается в сознании рассказчика звучанием шагов: «...его – скользящие, старческие, мои – нарочито гулкие и энергичные, в стремлении уйти от этого грязного мира» [5, с. 169].

К середине беседы, когда сочувствие к мужчине внезапно овладевает рассказчиком, меняется и облик сопровождающего его человека: «Лицо его говорило о том, каких усилий ему стоило каждое слово, и когда он, пошатываясь, тяжело ступая, пошел дальше, глаза его были устремлены на камни мостовой, как будто он читал на них в неверном свете луны то, что так мучительно вырывалось из его сдавленной гортани» [5, с. 170].

К концу разговора от страдающего мужа остается лишь тень: «Рядом с собой я видел тень моего спутника, она дергалась у меня под ногами, то растекаясь, то сжимаясь в неверном тусклом свете фонарей» [5, с. 173].

Как мы отмечали в своих более ранних работах, одним из признаков художественной модальности является то, что «реальность не совпадает со скрытыми ощущениями. Личность героя становится вероятностно-множественной» [2, с. 69].

Такая метаморфоза происходит и с главными персонажами новеллы «Улица в лунном свете». Доминантой становится внутренний мир, а реальность только оттеняет их эмоциональное со-

стояние. Личность женщины, жены страдающего бедолаги, тоже разнопланова. Её восприятие глазами безумно любящего мужа существенно отличается от того образа, который видит рассказчик. По словам главного героя, она «хорошая, добрая, добрая и ко мне, была очень благодарна за то, что я избавил её от нищеты...» [5, с. 170]. Одновременно ему кажется, что его жена гордая. Только гордость и нежелание просить что-либо у мужа побудили героиню бросить обеспеченную и спокойную жизнь и сбежать «в поезде с каким-то солдатом» [5, с. 171], считает он. Причиной и виновником падения женщины на самое дно муж считает только себя.

Точка зрения самой героини на все события передается опосредованно, только через призму восприятия мужа. Его мнение звучит достаточно убедительно, однако во время встречи с рассказчиком она не предстает ни доброй, ни гордой, ни тем более испытывающей к кому-то малейшую благодарность. Такая двойственная ретроспектива восприятия делает образ героини неоднозначным, оставляя простор для домыслов и воображения.

Пространственно-временной структуре новеллы также свойственны признаки модальности: преломляясь в субъективном восприятии действующих персонажей, они получают личностную эмоциональную окраску.

На первый взгляд все события протекают только в небольшом портовом городке во Франции. Однако даже это пространство неоднородно: с одной стороны, это фешенебельные улицы с празднично одетыми и неторопливо прогуливающимися добропорядочными обывателями. Но стоит только повернуть в переулок, и реалии меняются: «Последние причудливые остатки хаотически-чувственного мира, где инстинкты еще действуют грубо и необузданно, темные дебри страстей, кишасшие похотливым зверьем, – таковы эти отверженные улицы, волнующие тем, что в них мерещится, и прельщающие тем, что в них скрыто» [5, с. 162]. А свежее дыхание моря, шум прибоя и гудки пароходов привносят в этот мир еще один кусочек совсем другой жизни.

Временами рассказчику кажется, что все происходящее – только мираж. Покинув публичный дом после сцены встречи мужа и жены, он на мгновение полагает: «Забылось все гнусное в виденном мною, нервное напряжение перешло в сладостную истому, и меня уже тянуло преобразить пережитое в приятных сновидени-

ях» [5, с. 168]. Еще более сильное чувство нереальности он испытывает после разговора с женщиной: «Только усталость чувствовал я, дурман, непроницаемый и черный, точно я спал на ходу. <...> Наутро я уже не знал, что в этом происшествии было явью, что сном, и безотчетно противился тому, чтобы разобраться» [5, с. 174]. Неоднократно подчеркивая, что вся история кажется ему «видениями не то бреда, не то действительности» [5, с. 175], рассказчик ставит себя вне её. Такая позиция позволяет ему не вмешиваться в происходящее, а только наблюдать за главными героями.

Сюжет новеллы не имеет однозначной концовки, хотя проблема ответственности за содеянное проходит сквозной нитью через все произведение.

Архетип борьбы добра и зла пришел в литературу из фольклора. Как отмечает исследователь А.А. Абызов, уже в готическом романе Дж. Соуна «Безвестный рыцарь» в центре произведения находится «...человеческая личность, действующая на фоне тех или иных событий и вопреки или благодаря тем или иным обстоятельствам <...> повествование об известной проблеме борьбы добра и зла, ответственности за содеянное зло» [1, с. 80].

Всепоглощающая любовь к жене, разрушившая личность главного героя, толкает его на преступление: «...здесь я её не оставляю... живой не оставляю... Я купил себе нож...» [5, с. 174]. Но рассказчик не видит финальной сцены, так как, по его словам: «Мне стало страшно, я повернулся и быстро зашагал прочь, из малодушной боязни, как бы не ввязаться в какую-нибудь историю и не опоздать на поезд» [5, с. 175].

Таким образом, рамки произведения размыкаются, оставляя простор воображению читателей.

Итак, психологической новелле Стефана Цвейга «Улица в лунном свете» присущи характерные черты поэтики художественной модальности: рассказчик воспринимает реальность не как нечто стабильно существующее вне его сознания. Иногда ему кажется, что отдельные события имеют место только в его личном восприятии. Противоречивые чувства главного героя являются основой развития сюжетного действия. При этом личность этого персонажа не воспринимается рассказчиком однозначно. Статичный на первый взгляд образ жены раскрывается в другом свете после рассказа о ней мужа. Открытый финал произ-

ведения дает вероятно-множественные варианты развития исходного сюжета.

Список использованной литературы

1. Абызов А.А. О жанровом своеобразии и месте «Безвестного рыцаря» Джоджа Соуна в поэтике готического романа // Иностранные языки: теория и практика. Литературоведение: сб. науч. ст. Иваново: ИВГПУ, 2017. Вып. 11. С. 75–81.

2. Барышева Т.Г. Ранняя проза Артура Шницлера в контексте австрийской новеллистики. Иваново: ИГАСУ, 2008. 216 с.

3. Евласьев А.П. Психоаналитическая концепция Зигмунда Фрейда и творчество Стефана Цвейга: дис. ... канд. филос. наук. М., 2002. 171 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/psikhoanaliticheskaya-kontseptsiya-zigmunda-freida-i-tvorchestvo-stefana-tsveiga> (дата обращения 27.10.2017).

4. Леонова Е.А. Немецкая литература XX века. Германия, Австрия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 360 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://lit.wikireading.ru/45142> (дата обращения 25.10.2017)

5. Цвейг С. Улица в лунном свете // Новеллы. М.: Худож. лит., 1987. С. 160–175.

Т. М. Денисова

Костромской государственный университет
e-mail: tamaradenisova@yandex.ru

ФАУСТОВСКИЙ АРХЕТИП В РОМАНЕ ТОМАСА МАННА «ДОКТОР ФАУСТУС»

Проблема художественного преломления архетипов в литературном произведении находится в поле зрения современных исследователей. Архетип – легко узнаваемый шаблон, который берется за основу создания героя, и в зависимости от той роли, которую герой выполняет в произведении, он остается неизменным и дополняется или индивидуальными чертами, или, наоборот, противоположными свойствами. Томас

Манн написал роман «Доктор Фаустус», взяв за основу архетип Фауста – человека, продавшего душу дьяволу с целью возвыситься над другими людьми. Для Германии этот роман имеет особое значение, так как в нем автор показал духовную несостоятельность буржуазной интеллигенции, потерявшей связь с культурой своего народа.

Ключевые слова: архетип; архетипический сюжет; образ; Фауст; Гёте; Томас Манн; культура.

Архетип – одна из наиболее сложных литературоведческих категорий. В переводе с греческого *архетип* – изначальный оригинальный образец. По определению А.Ю. Большаковой, литературный архетип – это «сквозная, порождающая модель, которая, несмотря на то, что она обладает способностью к внешним изменениям, таит в себе неизменное ценностно-смысловое ядро» [2, с. 171]. Сформировавшись в философии, психологии, мифопоэтике, понятие «архетип» заняло свою нишу и в литературоведении.

Близким к понятию «архетип» является понятие «архетипический сюжет». Наиболее ярким примером архетипического сюжета в литературе является «делка с дьяволом». Истоки этого сюжета, активно использовавшегося на протяжении веков в различных видах искусства, восходят к фольклору. У многих народов распространено представление о том, что душу можно продать или заложить («продать душу дьяволу», «положить за кого-то душу»). Обычно речь идет о сговоре с нечистой силой или дьяволом в обмен на какую-то ценность или сверхъестественное свойство. Решение о сделке находится в ведении самого человека, зависит от его воли. Но после сделки человек лишается наиболее значимых человеческих свойств и качеств. Одним из первых людей, продавших душу дьяволу, был Иоганн Фауст – маг и чародей, живший в XVI веке в Германии. В обмен на нее он обрел магические способности.

Бунтарская фигура доктора Фауста долгое время привлекала внимание историков и писателей, пока ее окончательно не возвеличил Гете, который первым в своем варианте этой легенды спас Фауста от дьявола. Томас Манн считал Гёте великим писателем, ярким представителем немецкой культуры. В 1943 году Томас

Манн начинает писать свой роман «Доктор Фаустус», взяв за основу архетип Фауста – человека, продавшего душу дьяволу с целью возвыситься над другими людьми. Писатель поставил перед собой задачу в частной судьбе современного композитора отразить судьбу Германии и всей Европы. С подобной задачей в свое время справился Гете, создав образ ученого Фауста в обществе, стремящемся к корыстолюбию и чувственным наслаждениям.

В обоих произведениях центральную роль играет сделка с дьяволом, с тем лишь различием, что у Манна реальность описанных событий ставится под сомнение. Дьявол является к герою во сне и объявляет о своей причастности к его судьбе. Оба произведения затрагивают вопрос о соотношении добра и зла в человеке, о моральных ценностях и смысле его существования. Но есть и существенные различия. Гёте изобразил Фауста ученым, продавшим душу дьяволу ради постижения тайн природы. У Томаса Манна Фаустом является музыкант Адриан Леверкюн, совершивший сделку с нечистой силой из-за мнимого тщеславия, в стремлении стать великим композитором.

Охваченный гордыней своего гения, Адриан Леверкюн слишком большое значение придает своему творчеству и становится добычей дьявола. Но он должен отвечать за желание стать знаменитым. Смысл этой расплаты в том, что художник не должен замыкаться в себе, отрываться от культуры своего народа.

Томас Манн пишет о своем герое: «Мысль о том, что ему предназначено стать учёным, прочно засела во все головы и постоянно подкреплялась его блистательными успехами в гимназии, где он был первым учеником; отметки его несколько ухудшились только уже в самых старших классах: из-за мигрени, которые мешали ему с должной тщательностью готовить уроки. Тем не менее, он легко справлялся с гимназической программой, впрочем, слово “справлялся” здесь не совсем уместно, ибо учение ему не стоило никаких трудов» [4, с. 39]. Впоследствии любовь к музыке вытеснила все другие увлечения Леверкюна, и он стал музыкантом.

По окончании гимназии Адриан Леверкюн изучает богословие в университете города Галле. Среди профессоров оказывается много интересных людей. Так, например, преподаватель психологии религии Шлепфус излагает своим ученикам теорию о

реальном присутствии магии и демонизма в человеческой жизни. Наблюдая Адриана в обществе сверстников, Цейтблом, его друг и биограф, все более убеждается в незаурядности его натуры. Леверкюн продолжает поддерживать связь со своим учителем музыки Кречмаром и, когда того приглашают в консерваторию в Лейпциге, переезжает туда тоже.

В день приезда в Лейпциг Адриан вместо харчевни попадает в публичный дом. К юноше подходит девушка с «миндалевидными глазами» и пытается погладить по щеке, но он убегает от нее. С тех пор её образ не покидает его, однако проходит год, прежде чем юноша решается найти её. Но, когда Адриан наконец находит девушку, она предупреждает его, что больна сифилисом. Несмотря на это, он настаивает на близости и заражается от девушки страшной болезнью.

Адриан пытается лечиться, но обе попытки заканчиваются странным образом. Первого доктора он находит умершим, придя к нему в очередной раз на прием, а второго при тех же обстоятельствах на глазах у Леверкюна неизвестно за что арестовывает полиция. Больше юноша попыток лечиться не предпринимает, он увлечённо сочиняет. Самым знаменательным его творением этого периода становится цикл песен на стихи поэта-романтика Брентано.

В отличие от Фауста Адриан сторонится реальной жизни, проживая большую ее часть отшельником. Порой Леверкюн искренне тоскует по настоящему, неподдельному человеческому чувству. Он пытается прорваться к сердцам людей, но все усилия оказываются тщетными. Одиночество и сознание ненужности приводят Леверкюна к абсурдной мысли о том, что музыка не должна стремиться быть услышанной, он считает, что сочинителю достаточно слышать ее во время написания.

Нигде не находя себе покоя, Леверкюн уезжает в Италию. Там с Ливеркюном происходит событие, которое сильно влияет на его дальнейшую судьбу. Во сне ему является сам дьявол и объявляет о своей причастности к тайной болезни Адриана. Сатана пророчит Леверкюну большой успех, роль провозвестника новой эры, названной им «эрой новейшего варварства». Дьявол заявляет, что, осознанно заразившись нехорошей болезнью, Адриан заключил сделку с силами зла. С тех пор для него начинается отсчёт времени, так как сатана обещает призвать его к се-

бе лишь через двадцать четыре года. Но есть одно условие: Леверкюн должен навсегда отказаться от любви. «Ты станешь отказывать всем сущим, всей рати небесной и всем людям... ты не смеешь любить... Любовь тебе запрещена, поскольку она согревает... Холод души твоей должен быть столь велик, что не даст тебе согреться и на костре вдохновения. А он будет твоим укрытием от холода жизни...» [4, с. 67].

Невольные попытки героя нарушить запрет дьявола на любовь (дружба с юношей-скрипачом, намерение жениться и даже любовь к племяннику) приводят к гибели всех, на кого направлена его привязанность. Адриан становится пленником своего желания стать знаменитым.

Леверкюн пишет музыку, много размышляет и сочиняет вокальные пьесы. Они не встречают широкого признания, однако исполняются во многих филармониях Германии и приносят автору известность. Со временем его музыкальные произведения становятся все более изощренными, технически сложными. Они становятся и более мрачными, в них звучат пугающие, дьявольские ноты. Многие люди не понимают их смысл.

Адриан Леверкюн пишет свое последнее произведение – «Плач доктора Фауста». Он приглашает друзей и знакомых прослушать свое новое сочинение. Собирается человек тридцать гостей, и тогда он произносит исповедь, в которой признается, что все созданное им на протяжении последних двадцати четырёх лет – промысел сатаны. «Да будет ведомо, – продолжал тот за столом, – вам, добрым и благочестивым, уповающим на милость божию, долго таил я в себе, а теперь не хочу от вас больше таить, что двадцати одного года от роду я сочелся с сатаной и в полной памяти, из обдуманной отваги, гордости и дерзости, стремясь достичь славы на этом свете, заключил с ним союз и договор, – и все, что мной было содеяно за двадцатичетырехлетний срок, что по праву неверием встретили люди, было сотворено с его помощью и есть сатанинское деянье, влитое ангелом яда...» [4, с. 105]. Гости шокированы, многие уходят. Леверкюн начинает играть на рояле своё творение, но вдруг падает на пол, а когда приходит в себя, у него начинают проявляться признаки безумия. Композитор сходит с ума от отчаяния, безысходности, отвращения ко всему сущему.

После трёх месяцев лечения в клинике матери разрешают забрать его домой, и она до конца дней ухаживает за ним, как за малым ребёнком. Когда Цейтблом приезжает поздравить друга с пятидесятилетием, тот его не узнает, а ещё через пять лет гениальный композитор умирает.

Леверкюн проходит путь, который приводит его к мраку и катастрофе, а ведь он мечтал об искусстве, которое будет понятно не только образованными людьми. Лишь на грани безумия он понимает, какой должна быть музыка, над которой не будет властно время.

Образ мага и чернокнижника, вступившего в отношения с дьяволом, представляющий собой архетип, ставший частью мирового мифологического контекста, включил в себя многовековой опыт человечества, воплощённый в фольклорном сознании, а затем и в различных художественных текстах. Именно архетипическое содержание гётевского текста позволило Томасу Манну создать современный образ Фауста, который рассматривается сегодня как единый наднациональный культурный феномен.

Адриан Леверкюн Томаса Манна воспринимался современниками как воплощение Фауста Гете, человека, продавшего душу дьяволу. Обои движет гордыня и холодность души. И Адриан, и Фауст – незаурядные личности. Один посвятил себя музыке, другой науке, но оба были бесконечно одиноки и несчастны, так как счастье вне общества невозможно. Адриан и Фауст талантливы, но талант их не был направлен на созидание.

«Доктор Фаустус» – выдающееся произведение Томаса Манна и современной литературы, так как Манн не только описывает судьбу своего героя, но и рассуждает о Германии. Критики отмечали: «Роман Томаса Манна “Доктор Фаустус” – это не только роман о судьбах европейской культуры в первые десятилетия XX века, как иногда его определяют, это именно “Фауст” XX века – философско-трагическое, символично-реалистическое произведение о соотношении добра и зла, человеческого и античеловеческого в современном мире, – так, как это видел, понимал и изображал большой художник» [3, с. 67]. Томас Манн с болью пишет о неизбежном крахе нации, пытающейся поставить себя над миром.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С.С. Архетипы // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энцикл., 1992. Т. 1. А–К. С. 110–111.
2. Большакова А.Ю. Теория архетипа на рубеже XX–XXI вв. // Вопр. филологии. 2003. № 1 (13). С. 37–48.
3. Кургинян М. Романы Томаса Манна (Формы и метод). М.: Худож. лит., 1975. 336 с.
4. Манн Т. Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Левверкюна, рассказанная его другом: роман / пер. с нем. С. Апта и Н. Ман. М.: Худож. лит., 1975. 608 с.
5. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2007. 320 с.

И. В. Долинина

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НИГИЛИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ЛЕСКОВА 1860-Х ГОДОВ

Ивановский государственный химико-технологический университет
e-mail: dolininalV@yandex.ru

Статья посвящена лингвокультурологическому анализу языковой интерпретации нигилизма в художественных произведениях Н.С. Лескова 1860-х годов. Автор показывает, как языковая объективация лесковского понимания революционно-демократического движения в России становится основой для будущих художественных поисков писателя.

Ключевые слова: языковая интерпретация; нигилизм; антинигилистические произведения Н.С. Лескова.

«Имя г. Стебницкого получило известность с 1863 года, то есть с того времени, когда его знаменитый роман «Некуда» в первый раз появился в печати. <...> Этим романом он сам собственноручно подписал себе приговор, которого уже не в силах

изменить никто» [6, с. 335], – высказался М.Е. Салтыков-Щедрин о молодом публицисте и писателе Николае Семёновиче Лескове, творившем в это время под псевдонимом *М. Стебницкий*.

1860-е годы в социальной и культурной жизни России ознаменовались появлением новых теорий будущего развития страны: от революционных призывов «к топору» и «хождения в народ» до умеренных взглядов либералов и веры в старый уклад консерваторов.

Причисляя себя и своих сторонников к «настоящим либералам» и «постепеновцам», Н.С. Лесков открыто высказывался против революционно-демократического направления – нигилизма. В его публицистических статьях для газеты «Северная пчела» нигилисты представлены кучкой «энтузиастов, идущих с завязанными глазами к пропасти и не замечающих, что они одни идут к ней, а ближние и искренние стоят одалече» [3, с. 91].

Однако даже в самые острые моменты идейной полемики взгляды Н.С. Лескова на революционные идеи не отличались однозначностью. На это обратил внимание известный лесковед XX века В.А. Богданов: «Характер лесковского “антинигилизма” остаётся всё ещё недостаточно выясненным, хотя именно он во многом направит дальнейшее творческое развитие писателя» [1, с. 24].

В публицистическом и художественном творчестве Н.С. Лескова 1860-х годов мы усматриваем формирование его будущих художественных поисков, определивших творческое развитие писателя. И с этих позиций появление его антинигилистических произведений было вызвано не столько обидой и мезтью, сколько тревогой за судьбу России, желанием найти свой – «третий» – путь для её движения в будущее.

Проследить за тем, как это происходит, можно через анализ языковой интерпретации авторского понимания революционно-демократического движения в России в дискурсе его антинигилистических произведений 1860-х годов.

Такая интерпретация языковых средств выступает одним из методов исследования закономерностей формирования и претворения авторской языковой модели мира, позволяя выявить жизненные и ситуативные доминанты, установки и мотивы писателя, которые находят отражение в специфических процессах

порождения текстов и обуславливают художественное развитие автора.

В творчестве Н.С. Лескова языковая интерпретация нигилизма как революционно-демократического движения получает свою репрезентацию через широкий набор языковых единиц и в итоге складывается в корпус произведений. Они связаны между собой не только общей темой и пафосом, но, что гораздо важнее, единой концепцией с жизненно важной для Лескова задачей: «Я знаю, что такое настоящий нигилист, но я никак не доберусь способа отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами» [5, т. 10, с. 21].

Революционное движение Н.С. Лесков подвергал в первую очередь нравственной оценке. Через всю свою нелёгкую литературную деятельность он пронёс неприятие в измерении жизни «теориями» и «направлениями». Искал ответы на все вопросы в народной жизни, в её «положительном идеале». Верил в изменение человека к лучшему через религиозные и нравственные искания. По его мнению, все общественные перемены должны происходить из русских национальных традиций, идеалов, укоренённых в народе.

Так, в рассказе «Овцебык» (1863) Василий Богословский, «агитатор искренний и бесстрашный» [5, т. 1, с. 49], для мужиков «ни барин, ни крестьянин, да и ни на что никуда не годящийся» [5, т. 1, с. 84], поэтому он «шут» [5, т. 1, с. 74] и «блажной» [5, т. 1, с. 71], из него сделали «отставного комедианта» [5, т. 1, с. 88]. И пусть рабочие согласны, что «против богатства складно говорил» [5, т. 1, с. 87], однако Александр Иванович подытожил: «...Речи пустошные, их надо из головы выкинуть и про них крепко молчать» [5, т. 1, с. 92].

Несмотря на трагическую развязку рассказа, в «Овцебыке» мы можем увидеть не только вербализацию лесковского отношения к революции и революционерам, но и пути возможного выхода из тупика, который для автора представляет государственный переворот. На полях своей книги Богословский пишет: «Васька глупец! Зачем ты не поп? Зачем ты обрезал крылья у слова своего? Не в ризе учитель – народу шут, себе поношение, идее – пагубник» [5, т. 1, с. 94]. Так в образе Овцебыка соединяются социально-политический и нравственно-религиозный ас-

пекты, а сам герой предстаёт как «своего рода революционный «справедник» [2, с. XVI].

От каждого социального явления Н.С. Лесков требует нравственного содержания, устремлённости к высокому духовному идеалу созидания и добра. Писатель отрицает нигилизм, потому что не видит в нём нравственности. Даже «настоящие нигилисты», готовые на любую жертву во имя светлого будущего своей родины, не могут приблизить долгожданную революцию, поскольку не опираются на национальные традиции России, которыми для Лескова выступают семья и христианство.

Вербализация этих взглядов представлена в романе «Некуда» (1864), который, по словам автора, «сохранил на память потомству истинные картины нелепейшего движения» [5, т. 11, с. 256]. Его участники-нигилисты получили отрицательную языковую характеристику как в авторском дискурсе романа, так и в речи его отдельных персонажей. Через многочисленные репрезентанты Лесков указывал на их безнравственность, политическую близорукость, оторванность от жизни: «всё это не были рыцари без пятна и упрёка» [5, т. 2, с. 135], это «сепаратисты», «словесники» [5, т. 2, с. 262], «фразёры» [5, т. 2, с. 314]. По мере продвижения романа языковая экспликация лесковской точки зрения на нигилизм становилась всё жёстче и грубее: «бездельники» [5, т. 2, с. 315], «труссы» [5, т. 2, с. 316], «дураки» [5, т. 2, с. 317], «сороки» [5, т. 2, с. 399], «сумасшествие» [5, т. 2, с. 401], «кодло» [5, т. 2, с. 441], «хлыщи», «подлецы» [5, т. 2, с. 465], «сволочь» [5, т. 2, с. 475].

Отрицательно охарактеризованы конкретные деятели движения. Зарницын видит свою революционную задачу в том, чтобы «подогреть, готовить, волновать умы» [5, т. 2, с. 201]. Бычков с «простодушно кроважным рылом» [5, т. 2, с. 406] объявляет «грозный час кровавого расчёта» [5, т. 2, с. 262]. Арапов – «аника-воин» [5, т. 2, с. 412]. Красин «шальной», «проповедующий такой цинизм» [5, т. 2, с. 469, 470].

Отрицательная языковая характеристика этих «гадких нигилистов» неоднократно реализуется в словах Розанова, в образе которого угадываются черты автора: «Это трусы, которым хочется прослыть деятелями и которые выдумали играть безопасную для себя комедию, расславляя, что это какое-то политиче-

ское дело» [5, т. 2, с. 474]. Но опасность такой «комедии» в том, что «это было такое бесхитрое время, в которое изолировавшийся кружок, толковавший об общественных реформах, не видал ничего у себя под носом и легко подчинялся каждому, кто бы захотел подумать и, изловчившись, покрепче схватить его за нос» [5, т. 2, с. 546], псевдореволюционеры «слабых людей сколько могут увлечь» [5, т. 2, с. 465].

Однако, следуя своей художественной задаче, связанной с авторской интерпретацией революционно-демократического движения, Лесков в романе «Некуда» показал и «настоящих нигилистов» – «хороших людей»: Вильгельма Райнера, Лизу Бахареву, Юстина Помаду. В их языковой характеристике ведущими выступают лексические средства, реализующие указание на высокую нравственность: «Добрые люди из деморализованных сынов нашей страны стремились просто к добру. Они не стремились окреститься во имя какой бы то ни было теории, а просто, наивно и честно желали добра и горели нетерпением всячески ему содействовать» [5, т. 2, с. 137]. Но, несмотря на «поэтические стремления» [5, т. 2, с. 286] Райнера и «необъятную ширь стремлений» [5, т. 2, с. 473–474] Лизы Бахаревой, они не видят впереди определённой цели и не знают, как действовать. Идеал этих нигилистов, по определению автора, «чистый, сильный, героический, но весьма туманный» [5, т. 2, с. 286]. Так через авторскую вербализацию проводится мысль о невозможности и ненужности революции в России.

Роман «Некуда» сам автор считал пророческим: «В “Некуда” есть пророчества – *все* целиком исполнившееся (выделено автором. – *И.Д.*)» [5, т. 11, с. 256]. Жизнь и общество должны измениться не посредством насильственных переворотов на основе умозрительной теории о туманных идеалах. Перемены возможны только на нравственных началах, укоренённых в русском жизненном укладе. Это убеждение автор доносит через доктора Дмитрия Петровича Розанова: «Пока мы не будем считать для себя обязательным участие к каждому человеку, до тех пор все эти гуманные теории – вздор, ахинея и ложь, только вредящая делу» [5, т. 2, с. 474].

Эта мысль находит своё отражение и в очерке Н.С. Лескова «Загадочный человек» (1871).

Швейцарский революционер Артур Бенни, как и Райнер, мечтает о революции. Будучи нравственно чистым, он устремлён к высокому, но опять же туманному идеалу, поэтому не знает, как подступиться к его претворению в жизнь: «А я всё слоняюсь без дела, без толка, без знания – что делать, за что приняться?» [5, т. 3, с. 303].

Несмотря на жизненные уроки, полученные на революционном поприще в России, Бенни, по словам рассказчика, «всё-таки немало не научился понимать Россию» [5, т. 3, с. 369]. Он не может понять, что социалистический переворот невозможен и не нужен, хотя происходящие с ним трагические и комические события подводят к такому выводу. Из-за этого наивный революционер «кругом обманут, одурачен, разбит, оклеветан, смещён в разряд мальчишек, обобран и брошен в запомет» [5, т. 3, с. 365] своими же мнимыми соратниками – «гадкими нигилистами». Лишь в конце жизни к Бенни всё-таки приходит понимание: «В России никогда не может быть такой революции, о которой мечтает Герцен» [5, т. 3, с. 367–368]. В результате рассказчик, который относится к герою с симпатией, вынужден констатировать, что вся его жизнь в России – «глупо прожитое время» [5, т. 3, с. 365].

Антинигилистические произведения Н.С. Лескова – роман «Некуда» и очерк «Загадочный человек» – идейно связаны с «апогеем злобленья» писателя – романом «На ножах» (1870–1871).

Несмотря на то, что «На ножах» определяется в жанровом отношении как антинигилистический роман, В.С. Семёнов обратил внимание на тот факт, что его персонажи «сами себя и не называют нигилистами» [7, с. 72]. Добавим, что герои не только не называют, но и не считают себя нигилистами. И недаром Горданов насмехается над Висленевым, именуя его «гилистом»: «...Ты вовсе и не *нигилист*, а весьма порядочный гилист (выделено автором. – *И.Д.*)» [4, т. 8, с. 140].

Языковая характеристика нигилизма и его представителей в этом романе отличается даже большей резкостью по сравнению с «Некуда»: это «гиль» [4, т. 8, с. 136, 137, 140], «бред, которым были полны пред тем временем отуманенные головы», «принципная сволочь» [4, т. 9, с. 14], «бездельники и негодяи» [4, т. 8, с. 169], «шарлатанская клика» [4, т. 9, с. 256].

Их безнравственный лозунг беззастенчиво озвучивается каждому новому члену: «Глотай других, чтобы тебя не проглотили» [4, т. 8, с. 219]. С точки зрения Лескова, увлечение нигилизмом будет губительным для нравственной стороны человека: «Продолжительное кривлянье имеет два роковых исхода: для людей искренно заблуждающихся оно грозит потерей смысла и способности различать добро и зло в теории, а для других – потерей совести» [4, т. 8, с. 240].

В качестве подтверждения этой мысли автор выводит в романе бывших революционеров, потерявших свой нравственный облик и превратившихся в обманщиков, стяжателей, преступников, шутов и сумасшедших: «тонкий, долгий, белый и волокнистый Висленев» [4, т. 9, с. 122], «стрижка-ерыжка» и «щелчок» Ванскок [4, т. 8, с. 244], «литератор, ростовщик, революционер и полицейский» Кишенский [4, т. 8, с. 251], «аферист, который поздно спохватился, но жадно гонится за деньгами» Горданов [4, т. 8, с. 170], жизненный принцип которого сформулирован так: «Надо устремлять силы не на то, чтобы кого-нибудь развивать, а на то, чтобы кого-нибудь... обирать» [4, т. 8, с. 139].

Беспринципности и безнравственности нигилистов писатель стремится противопоставить идеал и порядок, интерпретированные в выражениях «хорошие правила» [4, т. 8, с. 157], «живая душа с вечным движением вперёд» [4, т. 8, с. 417], «идеалы простого добра и простого счастья» [4, т. 9, с. 147]. Для Подозорова они заключены «в безыскусственном и простом выполнении своих обязанностей, из которых первойшею считал заботу о своём собственном усовершенствовании» [4, т. 9, с. 140]. Для Александры Синтяниной идеал являет собой христианство, «чувство Бога в душе» и «призвание» [4, т. 8, с. 431].

Идеал автора ясно выражен в 30 главе пятой части романа: «...Сила, обессиливающая все низшие комбинации в человеке, для которого любовь не одно лишь обладание, а неодолимая тяга к постижению высшего счастья в соревновании существу, нас превышающему в своей силе правды, добра и самоотвержения» [4, т. 9, с. 221]. В этих перифразах репрезентировано лесковское понимание христианства, которое указывает намеченный автором выход из духовного тупика, когда кажется, что больше некуда идти.

Именно в христианстве и его традициях на Руси Н.С. Лесков видит спасение от социальных бурь.

Анализ языковой интерпретации нигилизма в художественном творчестве писателя 1860-х годов показывает, что в его языковом сознании одновременно соотносятся и противопоставляются глубокие ментальные комплексы «революция» и «христианство».

В будущем концептуализация понимания сущности христианства ляжет в основу поиска положительного идеала Н.С. Лескова, благодаря которому в его творчестве появятся многочисленные праведные герои.

Список использованной литературы

1. Богданов В.А. Н.С. Лесков в русской литературе // В мире Лескова: сб. ст. М.: Сов. писатель, 1983. С. 8–57.

2. Громов П.П., Эйхенбаум Б.М. Н.С. Лесков // Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. / под ред. В.Г. Базанова, Б.Я. Бухштаба, А.И. Груздева, С.А. Рейсера, Б.М. Эйхенбаума. М.: ГИХЛ, 1956–1958. Т. 1. С. V–LIX.

3. Лесков Н.С. [Деспотизм либералов] // Лесков Н.С. Честное слово / сост., вступ. ст. и коммент. Л.А. Аннинского. М.: Сов. Россия, 1988. С. 83–93.

4. Лесков Н.С. На ножах // Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 8, 9.

5. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. / под ред. В.Г. Базанова, Б.Я. Бухштаба, А.И. Груздева, С.А. Рейсера, Б.М. Эйхенбаума. М.: ГИХЛ, 1956–1958.

6. Салтыков-Щедрин М.Е. Повести, очерки и рассказы М. Стебницкого // Собрание сочинений: в 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1976. Т. IX. С. 335–343.

7. Семёнов В.С. Николай Лесков. Время и книги. М.: Современник, 1981. 302 с.

Ю. Л. Цветков

**ОБРАЗ ТОЛПЫ И ФУНКЦИИ МАСКИ
В РОМАНЕ Р. МУЗИЛЯ «ДУШЕВНЫЕ СМУТЫ
ВОСПИТАННИКА ТЁРЛЕСА»**

Ивановский государственный университет
e-mail: jzvetkow@mail.ru

Образ толпы создается не только массовым действием, но и выдвиганием в нём наиболее крайних эмоциональных намерений Райтинга и Байнеберга (наказание Базини). Каждый из персонажей романа двойственно относится к миру лжи и лицемерия.

Ключевые слова: австрийский модернизм; психология подростков; образ толпы; система персонажей; насилие и жертва; маска и её функции.

Австрийский писатель Роберт Музиль (1880–1942) ввёл в роман «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» (1906) образ толпы. На фоне серой и безликой массы ярче проступают качества, заложенные автором в главных персонажах произведения. Если, наблюдая развитие событий в узком круге главных героев, внимание читателя несколько притупляется, то на фоне толпы гораздо проще заострить внимание читателя на том, какие качества личности Музиль вкладывал в своих персонажей.

Райтинг и Байнеберг, устав от «экспериментов» на чердаке интерната и чувствуя, что всё может закончиться для них нежелательным образом, отдают Базини на растерзание толпе, тем самым оставшись вне каких-либо подозрений, они одновременно многократно поднимают свой авторитет в глазах товарищей: *“Törleß sah, wie Beineberg und Reiting zu einzelnen hingingen, und wie sich dort um sie herum Gruppen bildeten, in denen eifrig geflüstert wurde”* [3, S. 129].

Райтинг – главный персонаж в процессе постановки спектакля. Именно от него зависит, что актёры сыграют на сцене: драму или комедию. В стенах своего театра он чувствует себя

Богом, но стоит ему покинуть свою крепость, и он уже один из многих, кто также хочет стоять на пьедестале и играть главную роль в представлении.

Толпа, в свою очередь, простит и возвеличит зачинщиков, она пойдёт за ними в предвкушении новых жертв. Людям толпы не свойственно думать, размышлять и анализировать, цель всегда оправдывает средства. Однако случается и такое, что в этой «массе» находятся один-два человека, которые, задумавшись над происходящим, задаются вопросом: так ли всё на самом деле? Но такие индивиды долго не живут: толпа избавляется от них, как от нарыва, который причиняет беспокойство. Если есть толпа, всегда есть тот, кто её ведёт, кто задаёт темп, направление, скорость и цели, к которым она движется. Этот человек знает её слабости и прихоти, желания и потребности. Зачастую удовлетворяются самые низменные желания, достигается слепое повиновение и фанатичная приверженность: *“Sie wälzten alle Schuld auf Basini, und die ganze Klasse bezeugte es Mann für Mann, daß Basini ein diebischer, nichtswürdiger Kerl sei ... Reiting beteuerte, daß sie ja ein-sähen, gefehlt zu haben, es aber nur deswegen getan hätten, weil ihnen ihr Mitleid sagte, man solle einen Kameraden nicht eher der Strafe ausliefern, als man alle Mittel gütlicher Belehrung erschöpft habe, und wieder schwur die ganze Klasse, daß Basinis Mißhandlung nur ein Übersäumen war, weil Basini den ihn aus den edelsten Empfindungen Schonenden mit größtem, gemeinstem Hohne begegnet war”* [3, S. 132–133].

Толпа готова наброситься на слабого, невзирая на его недостатки, питая свою жестокость и оправдывая себя в своих же глазах: *“Unflätiges Lachen, zügellose Scherze flattern aus der Masse auf. Reiting will weiterlesen. Plötzlich stößt einer Basini. Ein anderer, auf den er dabei fällt, stößt ihn halb im Scherze, halb in Entrüstung zurück. Ein dritter gibt ihn weiter”* [3, S. 130].

То, как поступил класс с Базини, – яркая иллюстрация к вышесказанному. Даже непосредственное начальство интерната, к которому Тёрлес в конце концов обращается, старается решить этот вопрос, учитывая в первую очередь свои интересы, предпочитая это дело «замять», а не разбираться в нём: *“Basini war mittlerweile strafweise entlassen worden. In der Schule ging alles den gewohnten Gang”* [3, S. 139].

Присутствие подобной беспринципности в обществе отрицать бесполезно, как и то, какую роль играет толпа в возведении тиранов на престол. Поэтому можно считать толпу с её ничтожной моралью отдельным героем романа Музиля. Ряд действующих героев романа завершает образ власть имущих чиновников, для изображения которого Музиль определил директора и преподавателей интерната. Не случайно автор избрал сценой событий заведение подобного типа – закрытый от посторонних глаз интернат. Как в любом государстве, так и в обществе присутствует «масса» (воспитанники), исполнительные чиновники (преподаватели) и высший орган власти (директор). Таким образом, всё происходящее можно рассматривать как своеобразную модель общества.

Позднейшая критика не раз сопоставляла историю подросткового ницшеанства в анализируемом романе о Тёрлесе с последующей историей Германии. В типах Байнеберга и Райтинга критики увидели горькое пророчество. Исследователь Д. Затонский отмечал, что атмосфера «смятений воспитанника Тёрлеса – это в чём-то атмосфера будущих нацистских концлагерей: если Райтинг – примитивный садист, то Байнеберг – палач идейный, по-своему предвещающий Гиммлера, Гейдриха, Кальтенбруннера» [2, с. 14]. Автор романа представил состояние умов в Германии в тот момент, когда ефрейтор Гитлер взлелеял мечту об «искуплении» для своего народа. Музиль писал: «Представители духовной жизни в Германии томились неудовлетворённостью... Их мысль не находила покоя, потому что стремилась проникнуть в ту неустранимую сторону вещей, которая вечно блуждает, никогда не имея возможности вернуться к порядку... Они решили, что жизнь остановится, если вскоре не придёт мессия...» [1].

Создание образов главных героев и построение связанных с ними сюжетных линий имеют в анализируемом произведении отдельные особенности. Проблема раздвоения личности была свойственна всем героям романа. В результате у них возникало двойное отношение к окружающему миру. И в этом нет ничего удивительного, потому что подобное явление характерно для общества и присуще если не всем его членам, то подавляющему большинству.

Обратимся к образу главного героя романа – Тёрлесу, который по ходу всего повествования ещё не может обрести своего истинного лица. Он примеряет то одну личину, то вторую, и выбор его зачастую обуславливает любопытство, желание разобрататься во всём, видеть мир с разных точек зрения. Однако из-за своей эмоциональности и совестливости, которые он ещё не научился подавлять, его выбор постоянно меняется. Тёрлес ищет маску, через которую не будет видно всего безобразия этого мира. Но какую бы маску он не примерял, всё остаётся без изменений, только видится с разных позиций. Возможно, этот персонаж и хотел бы остаться самим собой, но его пугает то, что таким его не примут и не поймут в окружающем его обществе. В конце романа Тёрлес покидает интернат, так и не найдя своего второго лица, хотя и понимает, что со временем ему всё же придётся это сделать: *“Törleß wurde später, nachdem er die Ereignisse seiner Jugend überwunden hatte, ein junger Mann von sehr feinem und empfindsamem Geiste. Er zählte dann zu jenen ästhetisch-intellektuellen Naturen, welchen die Beachtung der Gesetze und wohl auch teilweise der öffentlichen Moral eine Beruhigung gewährt, weil sie dadurch enthoben sind, über etwas Grobes, von dem feineren seelischen Geschehen Weitabliegendes nachdenken zu müssen”* [3, S. 111].

Очень часто происходит так, что человеку невозможно жить в обществе лицемеров и лгунов, оставаясь самим собой. Людей, которые говорят то, что думают, делают то, что считают нужным, а не то, что от них требуют, людей, смотрящих на мир через призму совести, а не через призму общественного мнения, общество не прощает, а лишь, обвинив и заклеив печатью позора, избавляется от них. Поэтому Тёрлес ждал прощания со своими друзьями тихо и задумчиво: *“Aber diese Wortlosigkeit fühlte sich köstlich an, wie die Gewißheit des befruchteten Leibes, der das leise Ziehen der Zukunft schon in seinem Blute fühlt”* [3, S. 140].

В отличие от Тёрлеса, Байнеберг давно определился со своим вторым лицом. Его видимая сила выступает для него защитой от окружающего мира, но под этой скорлупой Байнеберг продолжает бояться. В первую очередь, он боится поставить себя перед миром таким, какой он есть: непонимающим, глупым и жестоким. В надежде избавиться от своих страхов, найдя себе достойное прикрытие в виде постижения великого

знания, он несмело, ошупью пытается найти ответы на обычные вопросы: *“Alle grausamen Dinge, die dabei geschehen, haben nur den Zweck, die elenden nach außen gerichteten Begierden abzutöten, welche, ob sie nun Eitelkeit oder Hunger, Freude oder Mitleid seien, nur von dem Feuer abziehen, das jeder in sich zu erwecken vermag”* [3, S. 59].

Несмотря на то, что большинство ответов можно было узнать более простым путём, страх заставляет его придерживаться выбранного пути. Неудачи, постигающие героя, вызывают в нём ещё большее озлобление и заставляют прятаться глубже, туда, где уже трудно различить правду и обман. Байнеберг символизирует личность молодого человека своего времени. Он любым способом пытается подавить своим вымышленным образом человека-философа и надеть маску мудреца с чувством собственного удовлетворения.

Райтинг – человек совершенно иного склада характера, в отличие от своих одноклассников. Он знает ответы на многие вопросы, где-то он даже больше осведомлён, чем большинство ровесников, и умеет применить эти знания. Он старается казаться для всех таким же, как они, без претензий на явное лидерство или признание не столько потому, что опасается ответа за свои поступки, сколько потому, что наблюдение за ходом событий со стороны доставляет ему ни с чем не сравнимое удовольствие. Он, как истинный интриган, грамотно использует свои знания и мастерски устраивает ловушки для человеческих страстей и со стороны следит, как они разгораются.

В отличие от своих товарищей, он находится в большей гармонии со своим внутренним «я». Если Тёрлес ещё в поисках, то Райтинг уже выбрал себе и лицо, и жизненную позицию. Он идёт на поводу у своих страстей и не видит в этом ничего предосудительного, разве что самые волнующие моменты он старается пережить один и серьёзно беспокоится о том, что кто-то об этом узнает. Ему незачем прятаться внутри себя, как это делает Байнеберг; он не боится «пробовать» этот мир на вкус и делает это постоянно (именно ему захотелось использовать Базини для себя и почувствовать силу власти): *“Basini ist in unserer Hand, wir können mit ihm machen, was wir wollen, meinetwegen kannst du ihn zweimal täglich anspucken...”* [3, S. 48].

Если Байнеберг боится своих «демонов», то Райтинг со своими живёт в мире, холит их и лелеет. Его второе лицо тесно связано с настоящей сущностью. Единственное отличие – это жестокость, которую он приобретает с каждым днём благодаря своим «развлечениям». Он считает себя «хозяином» в этом мире и не стесняется этого. Поэтому ему не страшно, если будет сорвана маска с его лица.

После того как всем стало известно истинное лицо Базини, он был вынужден отказаться от своей личины. Позже он даже нашёл в этом для себя положительные стороны: если ни для кого не секрет, что ты собой представляешь, то зачем эти лишние усилия? *“Beineberg und Reiting lachten vergnügt zu Törless hinüber: Das war ein guter Einfall von dir, Kleiner, und zu Basini:”* *“Und jetzt wirst du sofort noch sagen: Ich bin ein Tier, ein diebisches Tier, euer diebisches, schweinisches Tier!”* *Und Basini sagte es, ohne auszusetzen und mit geschlossenen Augen”* [3, S. 72].

Так как всю подноготную Базини при всех выставили на показ, остались только страх и ненависть, которые он и запрятал глубоко в себе. Страх отныне диктовал поведение Базини и все его поступки. Урок, который он получил, был достаточно ясен и запечатлелся в его памяти на всю жизнь. Страх перед повторением подобного будет руководить им в будущем, а ненависть и желание отомстить будут лежать глубоко и терпеливо ждать возможности вырваться наружу. В то же время для всех Базини остался жалким, забытым и низким существом. Базини надевал подходящую маску в определённой ситуации. Он мог быть и другом, и вором, и игрушкой в руках окружающих. Его устраивала жизнь такой, какой она была: с унижениями и издевательствами. Маски для него были всего лишь прикрытием его падшей природы.

«Образцом лицемерия» можно считать правление интерната. Действительно, в заведении, где преподаватели прививают своим воспитанникам чувства, возвышая честь и благородство, уничтожая и клеймя ложь и подлость, в этом же заведении эти же преподаватели во главе с директором служат и наглядным примером лжи и лицемерия. Поэтому не приходится удивляться тому, что из стен образовательного учреждения, возглавляемого подобными людьми, выходят не благородные люди с чистым сердцем, а лицемеры и морально «испорченные» представители

общества. Ничего шокирующего здесь нет: как могут привить молодёжи моральные ценности люди, которые знают о них лишь из книг и не имеют никакого понятия о природе своих воспитанников.

Все персонажи мечутся по замкнутому кругу страха и боятся его разорвать. Действительно, жизнь в обществе, подверженном этому чувству, неизбежно накладывает свой отпечаток. В романе Музиль показал развитие этого процесса. В результате общество поделилось на тех, кто смог дальше жить в мире лжи и предательства (Райтинг, Байнеберг), кто стал жертвой (Базини), и тех, кто решил раз и навсегда покончить с жизнью в «этом» обществе и попробовать «правильно» устроиться в новом, мало известном мире (Тёрлес).

Список использованной литературы

1. Австрия и Венгрия: Идентичность на развалинах. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bookap.by.ru/okolopsy/utro/g125.shtm> (дата обращения 20.03.2017).
2. Затонский Д. Роберт Музиль и его роман «Человек без свойств» // Музиль Р. Человек без свойств. Кн. 1. М. Худож. лит., 1984. С. 5–28.
3. Musil R. Die Verwirrungen des Zöglings Törleß. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1978. 140 S. (Цитаты по тексту из этого издания с указанием страницы в скобках).

ABSTRACTS

FOREIGN LANGUAGES: THEORY AND PRACTICE

L. N. Gusarova

PERLOCUTIVE EFFECT OF GERMAN PROPER NOUN ON NAMING SPEECH ACTS

The ability of proper noun to influence the participants of the communicative act is considered. At the same time, three spheres of perlocutive force of the utterance intention are distinguished: emotions, thinking and action.

Key words: perlocution; communication; theory of speech acts; naming speech act.

A. V. Dallakyan, L. A. Zavyalova

SOME PROBLEMS CONCERNING THE RUSSIAN LANGUAGE TESTING PROCEDURE FOR APPLYING FOR CITIZENSHIP IN RUSSIA

In the article the attention is paid to some problems of the practical application of the Russian language testing procedure which is necessary for applying for the Russian citizenship.

Key words: testing; certificate; the Russian language; RF citizenship.

S. V. Dmitrieva

THE FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FUTURE SPECIALISTS OF EMERCOM OF RUSSIA

The article deals with the problem of the formation of foreign language communicative competence of future specialists of EMERCOM of Russia.

Key words: foreign language communication, communicative orientation, foreign language communicative competence.

E. A. Yevtukhova

METHODOLOGICAL ASPECTS OF TEACHING FOREIGN STUDENTS GENDER OF THE RUSSIAN NOUN

The article deals with the interfering influence of the native language and the intermediate language on the formation of speech

skills of foreign students in teaching Russian as a foreign language. The comparative analysis of phonetic and lexical systems of Russian and English in the speech of foreign students is carried out in order to identify typical errors and ways to eliminate them.

Key words: category of gender; generic forms; interference; language contact; intermediary language; pronunciation skills; speech mechanism.

E. N. Zhukova, I. K. Tikhonova

DIFFICULTIES IN TEACHING ENGLISH BUSINESS LANGUAGE IN TECHNICAL UNIVERSITY

The article deals with some problems of teaching English business language. English business language is based on the word-units of modern English, on the main grammatical laws of word-building, set expressions and sentences. It is very important to know phraseological units. Knowledge of all these peculiarities promotes the progress in business communication.

Key words: business communication; business language; phraseological unit; set expression; term; loan-word.

E. A. Zakhvatova

THE METHODS OF TRAINING IN RHETORIC BASED ON ENGLISH STAGE MONOLOGUES

The article is devoted to the methods of training in rhetoric based on English stage monologues. The given observations can help practicing the intonation of the stage speech in the language learning situation.

Key words: rhetoric; stage monologue; intonation.

Yu. N. Zdorikova, D. A. Beregova

THE PROBLEM OF MODERN YOUTH'S LITERARY LITERACY

The article is devoted to the question of modern youth's literary literacy. Results of the experiment among students aimed at revealing the level of knowledge of Russian classical and foreign literature.

Key words: Russian and foreign literature; reading circle; language personality; modern student; cultural literacy.

E. N. Klyomina

**THE SEMANTIC FEATURES OF THE OLD ENGLISH
NOUN *WORULD* IN THE POEM “ELENA”**

The article is devoted to the revealing of the semantic features of the Old English noun ‘woruld’ by means of the method of the detailed contextual analysis on the material of the poem “Elene” (IX c.).

Key words: Old English poetic vocabulary; lexical semantics; method of contextual analysis.

L. V. Kornilova

**PROBLEMS OF LANGUAGE EDUCATION IN CONTEXT
OF FORMATION OF POST-INDUSTRIAL ECONOMY**

The article examines the factors that establish the strengthening of globalization trends and their impact on educational processes, emphasizes the need to create an international regulatory framework to stimulate the global integration of higher education systems, and establishes the need for an innovative type of specialist. Attention is paid to new communication technologies and the Internet, offering new opportunities for the transfer of more flexible higher education.

Key words: postindustrial economy; informatization of society; education; the role of foreign languages.

E. V. Orlova

**NON-NATIVENESS OF ENGLISH WRITTEN DISCOURSE
IN THE FIELD OF FIREMEN PROFESSIONAL
(TO THE QUESTION OF WORD-COMBANABILITY)**

The article is devoted to the analysis of the written discourse in the field of fire safety in classroom bilingualism. This kind of discourse is proved to take a special place in English communication. The main characteristics of non-nativeness in second language texts are discussed from the perspective of word-combinability.

Key words: written discourse; non-nativeness; professional sphere of communication; word combinability; collocation.

A. N. Smirnova, N. B. Khromova

**CULTURAL AND HISTORICAL APPROACH
TO THE PRONOUNCING STYLES PROBLEM**

Styles of speech or pronunciation are those special forms of speech suited to the aim and the contents of the utterance, the circumstances of

communication, the character of the audience, etc. Several different styles of pronunciation may be distinguished, although no generally accepted classification of styles of pronunciation has been worked out and the peculiarities of different styles have not yet been sufficiently investigated.

Key words: pronunciation; pronunciation variants; pronunciation styles.

O. N. Tarasova, L. A. Nagradova

DIFFERENT APPROACHES TO CLASSIFICATION OF NONVERBAL MEANS OF COMMUNICATION

The article describes different approaches of Russian and foreign scientists to classification of non-verbal means of communication, and defines each type. Silence is looked at as a powerful tool of communication.

Key words: non-verbal communication; non-verbal means of communication; gestures; silence; facial expressions; touch; eye contact; voice cues; sounds.

O. N. Tarnovskaya

HUMANITARIZATION AS AN ASPECT OF FOREIGN LANGUAGES TEACHING AT NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

The article deals with some aspects of the intensive forms in the process of foreign languages teaching. It focuses on a game situation as one of the ways in receiving information in the form of a report or an abstract. It underlines the importance of interactive technologies at a present intensive form in the process of foreign languages teaching.

Key words: teaching process intensification; non-linguistic university; communicational competences; interactive technologies and forms.

M. V. Yablokova

TO THE QUESTION OF CONVERSION IN THE HISTORY OF ENGLISH LANGUAGE: CONVERSION IN OLD ENGLISH LANGUAGE

Some questions concerning the history of conversion in English language are considered. Different ways of word formation and derivation in Old English are analyzed.

Key words: conversion; word formation; derivation; analogy; affixes; homonymy.

LITERARY CRITICISM

A. A. Abyzov

“HORROR” POETICS IN THE NOVEL “THE MONK”

BY M.G. LEWIS

The article under review considers the key work of the gothic genre “The Monk” by M.G. Lewis, which opens a series of so-called “horror” novels and differs from the works of his predecessors (H. Walpole, A. Radcliffe and others). Poetics of “horrible” in the novel by M.G. Lewis appeared both in obvious (deliberate naturalism in the depiction) and veiled (parallelism with the bloody events of the French Revolution) form.

Key words: pre-romanticism; Gothic novel; horror/terror.

T. G. Barysheva

ELEMENTS OF THE POETICS OF ART MODALITY

IN STEPHAN ZWEIG’S SHORT STORY

“STREET IN THE MOON LIGHT”

Stephen Zweig’s short story “Street in the Moon Light” is considered in the article from the poetic’s of artistic modality point of view. Its characteristic features are as follows: subjectivism, psychological insight, emotional wringer, plot openness. Those features enable to read the short story in a variety of ways. Thus one can consider “Street in the Moon Light” as a short story having some elements of artistic modality poetics.

Key words: the short story; the human inner world; subjectivism; artistic modality; psychological introspection.

T. M. Denisova

FAUST ARCHETYPE IN THOMAS MANN’S NOVEL

“DOCTOR FAUSTUS”

The problem of artistic refraction of archetypes in a literary work is put under research of modern scholars. Archetype is an easily recognizable pattern, which is taken as the basis for the creation of the hero and, depending on the role that the hero performs it remains unchanged and supplemented by individual features, or vice versa – the opposite properties. Thomas Mann wrote the novel “Doctor Faustus”, taking as a basis the archetype of Faust – the person who

sold soul to a devil to rise above other people. For Germany, this novel is of particular importance, as the author displayed the spiritual failure of the bourgeois intelligentsia, who lost the sacrament with the culture of its people.

Key words: archetype; archetypal plot; image; Faust; Goethe; Thomas Mann; culture.

I. V. Dolinina

**LANGUAGE INTERPRETATION OF THE NIHILISM
IN ART CREATIVITY OF N.S. LESKOV
OF THE 1860-TH YEARS**

The article is devoted to the linguoculturological analysis of language interpretation of the nihilism in art creativity by N.S. Leskov of the 1860-th years. The author shows how the language objectification of Leskov's understanding of the revolutionary-democratic movement in Russia becomes a basis for future art search of the writer.

Key words: the language interpretation; the nihilism; anti-nihilistic works of art by N.S. Leskov.

Yu. L. Tsvetkov

**THE IMAGE OF THE CROWD AND THE FUNCTION
OF THE MASK IN R. MUZIL'S NOVEL
"THE CONFUSIONS OF YOUNG TÖRLESS"**

The image of the crowd is created not only by mass action, but also by the nomination of the most extreme emotional intentions of Reiting and Beineberg (the punishment of Basini). Each of the characters in the novel is dual to the world of lies and hypocrisy.

Key words: Austrian modernism; psychology of adolescents; the image of the crowd; the system of characters; violence and victim; the mask and its functions.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБЫЗОВ Алексей Алексеевич – Ивановский государственный политехнический университет, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

e-mail: axxel68@mail.ru, k_inost@ivgpu.com

БАРЫШЕВА Татьяна Геннадьевна – Ивановский государственный политехнический университет, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков.

e-mail: tanja-bur@mail.ru, k_inost@ivgpu.com

БЕРЕГОВА Диана Алексеевна – Ивановский государственный химико-технологический университет, студентка 2 курса факультета фундаментальной и прикладной химии.

e-mail: matchoaa@mail.ru

ГУСАРОВА Людмила Николаевна – Ивановский государственный политехнический университет, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

e-mail: gusarova.ln@yandex.ru, k_inost@ivgpu.com

ДАЛЛАКЯН Армине Вачагановна – Ивановский государственный политехнический университет, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

e-mail: armyda@mail.ru, k_inost@ivgpu.com

ДЕНИСОВА Тамара Михайловна – Костромской государственный университет, кандидат филологических наук, доцент.

e-mail: tamaradenisova@yandex.ru

ДМИТРИЕВА Светлана Вадимовна – Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, кандидат педагогических наук.

e-mail: igordmi37@mail.ru

ДОЛИНИНА Ирина Вячеславовна – Ивановский государственный химико-технологический университет, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

e-mail: dolininaIV@yandex.ru

ЕВТУХОВА Елена Альбертовна – Ивановский государственный политехнический университет, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

e-mail: lenaeva63@mail.ru, k_inost@ivgpu.com

ЖУКОВА Елена Николаевна – Ивановский государственный политехнический университет, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

e-mail: k_inost@ivgpu.com

ЗАВЬЯЛОВА Лариса Анатольевна – Ивановский государственный политехнический университет, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

e-mail: lorikz1@rambler.ru

ЗАХВАТОВА Екатерина Алексеевна – Ивановская государственная медицинская академия Министерства здравоохранения Российской Федерации, кандидат филологических наук.

e-mail: sunset23@bk.ru

ЗДОРИКОВА Юлия Николаевна – Ивановский государственный химико-технологический университет, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

e-mail: Ulia_zdor@mail.ru

КЛЁМИНА Екатерина Николаевна – Ивановская государственная медицинская академия Министерства здравоохранения Российской Федерации, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

e-mail: ekaterinanikos@mail.ru

КОРНИЛОВА Любовь Викторовна – Ивановская государственная сельскохозяйственная академия имени Д.К. Беляева, кандидат филологических наук, доцент.

e-mail: liubov.kornilova@yandex.ru, inyaz@ivgsha.ru

НАГРАДОВА Лидия Алексеевна – Ивановский государственный политехнический университет, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

e-mail: linagra@mail.ru, k_inost@ivgpu.com

ОРЛОВА Евгения Валерьевна – Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, кандидат филологических наук.

e-mail: orlova.teddy@gmail.com

СМИРНОВА Анна Николаевна – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Ивановский филиал, кандидат филологических наук, доцент.

e-mail: annick_smirnova_@mail.ru

ТАРАСОВА Олеся Николаевна – Ивановский государственный политехнический университет, кандидат филологических наук, доцент.

e-mail: olesyatarasova@rambler.ru

ТАРНОВСКАЯ Ольга Николаевна – Ивановский государственный политехнический университет, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

e-mail: tarnusha@mail.ru, k_inost@ivgpu.com

ТИХОНОВА Ирина Константиновна – Ивановский государственный политехнический университет, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

e-mail: oleg-bolgar2014@yandex.ru, k_inost@ivgpu.com

ХРОМОВА Наталия Борисовна – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Ивановский филиал, старший преподаватель.

e-mail: Strauch77@gmail.com

ЦВЕТКОВ Юрий Леонидович – Ивановский государственный университет, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы.

e-mail: jzvetkow@mail.ru

ЯБЛОКОВА Марина Викторовна – Ивановский государственный политехнический университет, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

e-mail: yablonyatree66@mail.ru, k_inost@ivgpu.com

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	3
Гусарова Л. Н. Перлокутивный эффект имени собственного в речевых актах называния (на материале немецкого языка)	3
Даллакян А. В., Завьялова Л. А. О некоторых проблемах тестирования по русскому языку для приема в гражданство Российской Федерации	10
Дмитриева С. В. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущих специалистов МЧС России ...	14
Евтухова Е. А. Методические аспекты обучения иностранных учащихся категории рода русских имен существительных	19
Жукова Е. Н., Тихонова И. К. Особенности обучения деловому английскому языку в неязыковом вузе	25
Захватова Е. А. Обучение риторике английской звучащей речи на материале сценических монологов	29
Здорикова Ю. Н., Берегова Д. А. Проблема литературной грамотности современной молодежи	34
Клёмина Е. Н. Особенности семантики древнеанглийского существительного <i>woruld</i> в поэме «Елена»	38
Корнилова Л. В. Проблемы языкового образования в контексте становления постиндустриальной экономики	43
Орлова Е. В. Ненативность английского письменного дискурса по пожарной безопасности (к вопросу о словосочетанности)	48
Смирнова А. Н., Хромова Н. Б. Культурно-исторический подход к вопросу о стилях произношения в английском языке	52
Тарасова О. Н., Наградова Л. А. Различные подходы к классификации средств невербальной коммуникации	62
Тарновская О. Н. Гуманитаризация как условие обучения иностранным языкам в техническом вузе	71
Яблокова М. В. К вопросу о конверсии в истории английского языка: конверсия в древнеанглийском языке	76

РАЗДЕЛ 2. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	81
Абызов А. А. Поэтика «ужасного» в романе М.Г. Льюиса «Монах»	81
Барышева Т. Г. Элементы поэтики художественной модальности в новелле Стефана Цвейга «Улица в лунном свете»	89
Денисова Т. М. Фаустовский архетип в романе Томаса Манна «Доктор Фаустус»	95
Долинина И. В. Языковая интерпретация нигилизма в художественном творчестве Н.С. Лескова 1860-х годов	101
Цветков Ю. Л. Образ толпы и функции маски в романе Р. Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса»	109
ABSTRACTS	116
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	122

Научное издание

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

Сборник научных статей

Выпуск 12

Подписано в печать 06.07.2018.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 35 экз.

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
политехнический университет»
Издательский центр ДИВТ
153000, г. Иваново, Шереметевский проспект, 21